

A detailed illustration of a woman's face, looking directly at the viewer with a somber expression. Her face is framed by the head of a phoenix, a mythical bird that is reborn from its own ashes. The phoenix's head is composed of intense orange and yellow flames, with its beak and eyes clearly defined. The woman's hair is dark and blends into the lower part of the phoenix's body. The background is dark and textured, with some glowing embers and small, leafless branches scattered around the central figure.

ПОД ПЕЛЕНОЙ
ОГНЯ
СМЕРТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Татьяна Ред

Под пеленой огня и смерти

<https://litres.ru/74146477>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кто ты, если у тебя отобрали даже собственное имя?

Рита выжила, но очнулась в абсолютной пустоте. Она не помнит своего прошлого, не знает своей силы, а мужчина, который называет себя её возлюбленным, вызывает у неё лишь первобытный страх. Кaleb готов пойти в самое пекло ради неё, но как вернуть ту, чьё сознание стерто в пепел?

Истина вернется через кровь, нечеловеческую боль и пелену лжи. Племена содрогнутся, когда на арену выйдет новый враг — племя Лис. Их лидер, первородный Сильвер, обманом укравший память Риты, мечтает осквернить Кровавую луну и стать богом, уничтожив всех первородных до единого. Но Сильвер не учёл одного: пытаясь сломать Риту, он пробудил в ней то, что дремало годами. И теперь сокол, восставший из пепла первородным Фениксом, сожжет любого, кто встанет на её пути. Даже если для этого ей придется пожертвовать собой.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	57
Глава 5	73
Глава 6	94
Глава 7	99
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Татьяна Ред

Под пеленой огня и смерти

Пролог

Что за черт? Кто все эти люди?

Я стояла посреди выжженного поля, а в голове — звенящая пустота. Ни одной зацепки, ни единого воспоминания, будто кто-то аккуратно вырезал куски моей жизни раскаленным ножом. Память не просто стерлась — её выжгли.

— Какая, к черту, пелена?! — рывкнул парень, стоящий напротив.

Я назвала его Калобом. Сама не поняла, откуда это имя всплыло на языке, ведь я видела его впервые в жизни. Он выглядел разъяренным, диким, и эта ярость пугала меня до дрожи. Хотя и на вид он не был ужасным, внутри мне становилось дурно от одного его взгляда.

— На такое способны только соколы, — прошептал второй, черноволосый.

Он назвался моим братом, Тео, но для меня он был всего лишь незнакомцем с печальными карими глазами.

Парни судорожно оглядывались. Со стороны поселения доносилось лишь затихающее эхо криков. Там была война?

Кровь, гарь, смерть — что здесь произошло? Страх, липкий и первобытный, сковал легкие. Я не знала их. Я не знала себя.

Ноги сами понесли меня прочь, к темной стене леса.

— РИТА! СТОЙ! — ударило в спину чьим-то отчаянным криком.

Я бежала, не разбирая дороги, пока не услышала за спиной тяжелое, стремительное дыхание. Обернулась на бегу и закричала так, что птицы с шумом сорвались с веток. На меня неся белый волк. Огромный, пугающий зверь с горящими глазами.

Три секунды — и я уже на дереве. Вцепилась в самую верхушку, обдирая ногти в кровь. Сердце колотилось так быстро, что в ушах стоял сплошной гул. Волк замер внизу, подняв голову.

— Слезай, сокол! — прорычал он.

У меня подкосились колени. Звери не разговаривают. Этого просто не может быть!

В следующее мгновение его тело окуталось серой дымкой, и на месте хищника снова появился тот самый альбинос — Калёб.

— Слезай, прошу тебя, — его голос теперь звучал почти умоляюще.

Я яростно замотала столовой. Нет. Я боюсь. Я до смерти боюсь всего, что здесь происходит!

К дереву подбежал Тео вместе с каким-то мужчиной. Они

задрали головы, глядя на меня, как на безумную.

— Бога ради, Рита! — выкрикнул Кaleb, и в его голосе было столько боли, что мне на секунду стало не по себе. Что я могу поделать? Я не имею ни малейшего понятия кто он, и что происходит.

Мужчина резко развернул Калеба к себе, его пальцы впились в плечи парня:

— Что с ней случилось? Почему моя дочь в таком состоянии?!

— Пелена... — Кaleb зажмурился, будто от физического удара, и резко развернувшись, зашагал прочь. Его кулаки дрожали, а сбитое дыхание было слышно даже с моего курса с дерева.

Тео, мой названный брат, сделал шаг вперед, не сводя с меня глаз.

— Слезай. Мы не причиним тебе вреда, Рита. Шла война... между охотниками, нами — соколами — и оборотнями. Кaleb — твой возлюбленный. Неужели ты совсем ничего не помнишь?

Но я молчала. В моей голове не было ни любви, ни войны. Я не знаю никакого Калеба, Тео и других. Я своего имени не помню, не то, что окружающие меня события.

Огонь со стороны домов стал медленно угасать и оттуда в буквальном смысле бежали люди с завязанными глазами. Они бежать в лес, по полю, лишь бы скрыться. Они виновники или жертвы?

Глава 1

Прошло два месяца. Бесконечных, пустых, похожих на зажёванную пленку.

Меня пытались «починить». Приводили магов Саламандр, те окутывали меня своим теплом, шептали заклинания, лили в уши истории о великих битвах и древних союзах... Но я слушала их как чужую, плохо написанную сказку. Я не чувствовала себя частью этих легенд. Я была просто зрителем, который опоздал к началу рассказа и теперь пытается угадать сюжет по описанию листика на несколько страниц.

Того белого волка я больше не видела. И честно? Радовалась этому. Если бы он снова возник на моем пути, я бы просто сбежала, захлебываясь собственным пульсом. Дикий зверь, говорящий человеческим голосом — это слишком для того, кто не помнит даже собственного цвета глаз. Хотя нет, сейчас я начинаю осознавать собственную внешность. Черные волосы, на свету переливающимися темно-каштановыми, карие глаза такие же.

Дверь тихо скрипнула. Снова Тео. Каждый раз, глядя в его потухшие глаза, я физически ощущала тяжесть его разочарования. Я хотела верить, что я его сестра. Хотела обнять его и сказать, что всё вспомнила, но врать было еще больнее.

— Как ты? — спросил он, останавливаясь у порога.

Я стояла напротив зеркала, изучая свое лицо как незнакомку. Рита. Сокол. Лучший стрелок клана. Звучало гордо, вот только сейчас я не могла даже лук удержать, чтобы руки не дрожали.

— Нормально... — отозвалась я, не оборачиваясь. — Но в голове по-прежнему белый шум. Я не помню ничего из прошлой жизни.

Тео тяжело вздохнул и опустился на край кровати. Матрас под ним жалобно скрипнул.

— Калеба... тоже не вспомнила?

Это имя преследовало меня. Калерб. Оборотень, вождь, великий и ужасный альбинос, способный превратиться в кого угодно, но бессильный перед моей пустотой.

— Я его не знаю, Тео. Для меня это просто имя из чужого лексикона.

— Но ты же выкрикнула его тогда, у леса, — брат поднял на меня взгляд, полный надежды. — Я думал, это зацепка.

— На автомате сорвалось, — я резко повернулась к нему, скрестив руки на груди. — Просто звук, который мозг выдал в момент шока. Это ничего не значит.

— А до этого? До Пелены? Хоть какой-то отблеск?

Я честно попыталась «натянуть» извилины, нырнуть в эту черную воду памяти, но видела лишь одно: красный цвет. Вспышки алого, запах железа, крики. Кровь. Видимо, её тогда было слишком много, раз даже забвение не смогло её

смыть.

Из рассказов Тео я знала: наш вожак Ксандер — предатель. Он ушел к охотникам, и теперь мы, соколы, выживаем в странном союзе с бывшими врагами — оборотнями. Мир перевернулся, а я стояла в самом центре этого хаоса с пустыми руками. Он рушится, а главной проблемой для всех почему-то стала я, девчонка, что не помнит ничего. Странно, что я ходить не училась с нуля.

— Пойдем? Постреляем из лука, — предложил Тео, пытаясь выдавить улыбку.

— Чтобы я снова опозорилась? — я скептически выгнула бровь.

Брат не ответил, просто мягко взял меня под руку и вывел из дома, а следом на площадку. Здесь тоже всё было чужим: и небо, и мишени, и запах.

Тео вложил мне в руки лук, поправил стойку.

— Сфокусируйся. Твое зрение должно сработать, если ты поймаешь тишину внутри.

Я замерла. Соколиное зрение теперь было капризным зверем: то вспыхивало до рези в глазах, то исчезало в самый нужный момент. «Дезориентация в пространстве», — говорили они. А я чувствовала себя сломанным телескопом.

Впереди на подставке лежало яблоко. Я смотрела на него, пока глаза не начало щипать. Ничего. Обычный фрукт в трех метрах от меня.

«Давай же, Рита! Ты — птица, ты должна видеть цель!»

— приказала я самой себе, зажмуриваясь до цветных пятен.
Вдох. Выдох.

Мир вдруг дернулся и приблизился. Зрение сработало как мощная линза: я видела каждую пору на коже яблока, каждую капельку росы, застрявшую в черенке.

Тетива обожгла пальцы. Щелчок. Бросок.

Стрела со свистом рассекла воздух, но... лишь чиркнула по боку, содрав лоскут желтой кожиры. Яблоко осталось на месте.

— Уже лучше, — Тео ободряюще похлопал меня по плечу. — Раньше ты вообще в забор попадала.

— Тео... я бездарность... — выдох ушел в землю вместе с последними остатками гордости. Я опустила голову, чувствуя, как горят щеки.

— А ну прекрати! — Брат тут же оказался рядом, его руки крепко, по-медвежьи прижали меня к себе. — Ты не бездарность, Рита. Слышишь?

— Слышу, — буркнула я ему в плечо, но внутри всё хлопотало от обиды на саму себя.

— Ты просто заново учишься дышать, — тихо добавил он, отстраняясь. — Это нормально. Между прочим, из всех соколов именно у тебя всегда был самый зоркий глаз. Весь клан на тебя равнялся.

Я закатила глаза так сильно, что стало больно. Ой ли? Сейчас я чувствовала себя хуже самого последнего птенца. Те соколы, которых я видела на тренировках, хотя бы не мазали

по яблоку с несчастных трех метров.

Я со злостью швырнула лук на примятую траву и пошла прочь, не разбирая дороги. Мне нужно было смыть с себя этот липкий стыд, просто исчезнуть на время. Тео остался стоять на площадке; я кожей чувствовала его грустный, тяжелый взгляд, сверлящий мне спину.

Миновав ворота соколиных низин, я вышла к полю. Там, среди бушующего моря цветов, сидела маленькая фигурка. Полли. Единственная, чье имя я запомнила сразу. После того как её отец, Ксандер, предал нас и ушел к охотникам, девочка осталась совсем одна. Бывший вожак даже не удосужился забрать дочь или обеспечить ей защиту — просто вычеркнул из жизни, как ненужный абзац.

— Рита? — Полли повернула голову, и в её глазах отразилось то самое одиночество, которое я видела в зеркале каждое утро.

Я молча присела рядом, погружая пальцы в прохладные лепестки. Розы здесь были странные: нежно-розовые, усыпанные мелкими белыми крапинками, будто припорошенные снегом.

— Ты как? — прошептала я, понимая, насколько глупо звучит этот вопрос в нашем положении.

— Более-менее, — Полли пожала худенькими плечами. — Я папу так и не вижу. Совсем.

— Не грусти, — я попыталась вложить в голос хоть каплю уверенности. — Он вернется...

— Вместе с войной? — вдруг спросила она, и её детский голос прозвучал пугающе серьезно. — Не нужно. Ты после войны память потеряла...

— Но не из-за него же, — возразила я, хотя знала о Ксандере только из чужих, полных ненависти рассказов.

— Откуда ты знаешь? Ты же вообще ничего не помнишь... — Полли осеклась, заметив, как я вздрогнула. — Прости...

Я покачала головой, сглатывая комок в горле. Она была права. Маленькая девочка видела правду яснее, чем я со своим «соколиным зрением».

— Всё хорошо. Не извиняйся, — я поднялась, отряхивая одежду. — Долго тут не засиживайся, Полли. Холодать начинает. Скоро вечер.

Она кивнула и снова уткнулась в свои розы, будто искала в их аромате ответы на вопросы, которые взрослые боялись задавать.

Я шла обратно, и вдруг ветер донес до меня странный, до боли знакомый аромат. Это не был запах роз. Это была густая смесь табака, хвои и чего-то дикого.

Моё сердце пропустило удар. Однако за спиной никого не было. В голове что-то всплыло, словно я уже чувствовала подобное раньше, но где и как, понятия не имею. Я разбилась о скалы собственных мыслей, без надежды вернуться обратно.

Я вернулась в дом и бессильно рухнула на диван. В голове гудело. Это странное ощущение в поле... оно отозвалось

во мне не болью и даже не страхом. А пустотой. Глупой, звенящей и какой-то бесценной. Будто из меня вытряхнули всё содержимое, а оболочку забыли выбросить.

Не знаю, сколько я так просидела. На дворе уже вовсю вечерело, тени в углах стали густыми, а я всё продолжала пялиться на запястье. Метка моего клана. Золотое перо. Красивое, яркое... и такое, мать его, чужое.

Вдруг до моих ушей донесся звук. Едва заметный... скулеж?

Я нахмурилась, вглядываясь в окно. Пусто. Только кусты на улице слегка вздрогнули, будто по ним кто-то прошелся. Воры? Охотники? Кто это был?

Я поднялась и пошла к двери. Тишина была такая, что я слышала собственное дыхание. На крыльце — никого. Пустота.

И тут — тихий, тонкий писк прямо под ногами.

Я опустила голову и замерла. Маленький белый мышонок. — Боги... какой ты крошечный.

Я опустилась перед ним на корточки. Он не кинулся наутек, наоборот — подбежал ближе, будто мы с ним сто лет знакомы. Совсем не боится.

— Ты откуда тут взялся такой смелый?

Мышонок лишь дернул усиками. Секунда — и он уже на мне. Перебирая лапками, он шустро вскарабкался по одежде и уселся прямо на плечо.

Я повернула голову, глядя на него в упор, и тут меня на-

крыло. Странное чувство.

Дежавю.

Я нахмурилась, вглядываясь в бусинки-глаза этого мелко-го грызуна. Где я могла это видеть? Память царапнула изнутри, но не открылась. Мышь, заметив моё замешательство, в буквальном смысле задержала дыхание. Замерла, как статуя.

Оборотень.

Меня будто током ударило. Я дернулась, вскрикнула и со всей дури отшвырнула мышь в сторону.

Воздух на мгновение подернулся черной дымкой, и прямо на землю, задрав ноги, свалился человек. Калёб. Этот гребаный альбинос.

— Не швыряйся ты так! — прошипел он, потирая ушибленный зад.

— А ты что тут забыл?! — я сорвалась на крик, чувствуя, как внутри всё закипает от возмущения. — Ты за мной в виде мыши следишь?

— Догадайся, — бросил он, медленно поднимаясь на ноги. Его белые волосы в сумерках казались почти прозрачными.

Я сделала резкий шаг к двери, вцепляясь в ручку.

— Убирайся отсюда... Живо!

— Что я тебе сделал, Рита? — он замер, не пытаясь подойти. — Почему ты так меня боишься?

— Потому что я тебя не знаю! Не знаю, понимаешь?! — крикнула я ему в лицо и, не дожидаясь ответа, с силой за-

хлопнула дверь.

Я потерялся. Серьезно.

За то короткое время, что она провела в моем племени, я втюрился в нее как последний идиот. А она? Она просто всё стерла.

Виню ли я её? Нет. Ни за что. Но то, что она меня боится... это добивает. Пока в её глазах при виде меня застывает ужас, я не смогу к ней даже на шаг подойти. Дикая птица, которая забыла своего хозяина.

— Ну как успехи? — Тони вынырнул из теней мне навстречу.

Я остановился, глубоко затягиваясь самокруткой. Дым обжег горло, но это была единственная приятная боль за весь вечер.

— Прогнала, — выдохнул я вместе с сизым облаком. — Хлопнула дверью прямо перед носом.

Мне было тошно вспоминать слова Тео. Эта гребаная Пелена забвения... Он сказал, что воспоминания могут не вернуться никогда. Вообще. Это значит, что все наши ночи, все слова, всё, через что мы прошли — теперь помню только я один. Словно я брежу наяву, а её мир девственно чист.

— С чем черт не шутит, Калёб... — Тони задрал голову, разглядывая первые звезды. — Может, еще отпустит?

— Я этому черту все рога обломаю, когда найду того, кто это сделал, — процедил я. Пальцы сжали самокрутку так,

что она почти рассыпалась.

Тони было хмыкнул, но поймав мой взгляд, тут же стер улыбку с лица. Он знал — я не шучу. Я выпотрошу любого сокола, приложившего к этому руку. Ксандер? Отпадает. Пока Рита бежала в лес, этот несчастный вожак валялся в отключке под магией Саламандр. Значит, был кто-то еще. Кто-то тихий и очень опасный.

— Идем. Нам пора домой, — я бросил окурок и зашагал вперед, не оборачиваясь.

— Ты разве не планировал заночевать здесь? — Тони едва поспевал за мной.

— Щас! — я театрально, с издевкой поклонился невидимой публике. — Прикажешь мне на сене спать, как какому-то коню?

— Ну... — друг философски пожал плечами, — если не заниматься там сексом, то сено — штука вполне сносная.

я выгнул бровь, глядя на него как на умалишенного.

— Тони, напомни мне, пожалуйста... почему ты всё еще мой друг?

— Не знаю... — Тони пожал плечами, на его губах играла привычная полуулыбка. — Может, потому что я спасаю твой зад каждый раз, когда ты решаешь вляпаться в дерьмо? Я только закатил глаза. В чем-то он был прав, чертяка.

Мы шли по лесу, намеренно не таясь, но настороженность была моим вторым именем. Охотники всё еще рыскали где-то здесь, и возглавлял их Ксандер. Эти твари сменили лого-

во, затаились так глубоко, что ни один след не выводил на них. Ждали. Высматривали удобный случай, чтобы вцепиться нам в глотки.

Наше поселение мы починили за короткий срок, хоть и разрушений было достаточно много.

— Что будешь делать с Ритой? — спросил Тони, с хрустом ломая в руках сухую ветку.

— Не знаю... — выдохнул я вместе с дымом. — Я, черт возьми, не знаю, как вернуть её к жизни. К нашей с ней жизни.

Мы добрались до поселения незаметно. Время в последние месяцы превратилось для меня в воду: утекало сквозь пальцы, не оставляя ничего, кроме сырости. Оборотни уже спали, в хижинах было тихо. Тони коротко кивнул и ушел к себе, а я направился к главному дому.

Всякий раз, переступая этот порог, я чувствовал её присутствие. Это был не запах и не остатки тепла... просто она. Будто Рита стала призраком этого дома. Моим личным наваждением, сном наяву, из которого невозможно проснуться.

Внутри было темно и чертовски холодно. Я даже не прикоснулся к камину — ни один огонь не согреет меня так, как грела она.

Лина исчезла вместе с Ксандером, а Рут... этот скользкий тип повадился ходить на нейтральную территорию, к кладбищу между соколами и нами. Похоронил там свою возлюбленную в той войне и теперь ошивался у могил. Я приказываю

вал следить за ним, но каждый раз Рут просто испарялся, будто умел прошивать пространство насквозь.

Кто это сделал с ней? Кто посмел?

Когда я тогда нашел её, рядом был только Тео. И пустота. За кем она бежала? Зачем? Что заставило её сорваться с места?

Вопросы плодились в голове, как крысы, и ни на один у меня не было ответа.

Если бы она вспомнила хоть крупицу... хоть малую часть того, что между нами было, я был бы на седьмом небе. Но она не помнила даже собственного имени. Рита училась жить заново, будто никогда и не была той самой соколицей. Зоркой, точной, невыносимо харизматичной и бойкой... Будто она никогда не была моей.

Я зажег свечу, жмурясь от резкого света. Глаза нещадно жгло от недосыпа, веки слипались, но стоило мне закрыть их — и я видел её. Беспомощную. Напуганную. Глядящую на меня как на монстра.

На столе лежал пергамент. Я пододвинул его к себе, рассматривая рисунок её клейма. Золотое перо. Я вырисовывал его два месяца, по миллиметру восстанавливая в памяти каждую черточку, каждый изгиб на её тонком запястье.

Это было единственное, что давало мне покой. И единственное, что напоминало: она — настоящая. Она была здесь. Со мной.

— Ты что, серьезно? Снова просидел всю ночь над этим

рисунком? — Голос Тони прозвучал так неожиданно, что я подпрыгнул на месте. Сердце тут же пустилось вскачь, вбивая адреналин в виски.

Я медленно повернул голову к окну. За стеклом уже брезжил серый рассвет. Я снова продолбал время. Опять.

— Да... пришлось, — выдохнул я, бессильно опускаясь обратно на стул. Пальцы мелко дрожали.

— Тебе нужно спать, и это, мать твою, не обсуждается, дорогой мой друг.

Тони не стал ждать согласия. Он просто подошел, сцапал меня за воротник рубашки и потащил в сторону дивана, как нашкодившего щенка.

— Тони, отвали, я не усну, понимаешь? — Я уперся ногами в пол, пытаюсь остановиться. — Она везде мне мерещится. В каждом углу, в каждой тени. Стоит мне закрыть глаза — и я снова слышу, как она кричит.

— Мы найдем способ вытащить её из этой бездны, Кaleb. Клянусь, найдем. Но то, что ты превращаешься в живой труп, ей лучше не делает.

Друг с силой толкнул меня на диван и отошел к окну, скрестив руки на груди.

Спорить с ним было бесполезно. Тони, если вобьет себе что-то в голову, станет похлеще любого охотника. Я едва успел коротко кивнуть и уронить голову на подушку.

Мир качнулся. Перед глазами поплыла серая пелена. Сознание просто выключилось, проваливаясь в темноту, где не

было ни рисунков, ни табачного дыма. Только тишина.

Глава 2

Держать лук два месяца без передышки, до кровавых мозолей и дрожи в плечах? Да, это про меня. Мне это было нужно — как воздух, как доказательство того, что я еще существую.

Я живу по чужим словам, не помня саму себя. Но зачем им врать? Они ведь делают меня лучше. Они не говорят: «Рита, ты была паршивым соколом, и амнезия тебя не исправила». Нет, они твердят, что я была лучшей. Что я была их гордостью.

— Ты снова на ногах? — Голос брата разрезал тишину, и яблоко взмыло в воздух, подброшенное его ладонью.

Секунда. Мой взгляд намертво вцепился в цель.

Мир вокруг вдруг стал неестественно четким. Я почувствовала, как зрачки сузились до крошечных точек — так, что со стороны их, наверное, и не разглядеть.

Натянуть тетиву — дело мгновения.

Следующая секунда — я вижу траекторию падения. Я буквально читаю путь яблока в воздухе.

Еще секунда: фрукт замирает в высшей точке и начинает падать.

Я отпускаю тетиву.

Тео застыл. Стрела со свистом прошла воздух в милли-

метре от его пальцев, с глухим стуком вонзилась в деревянную перекладину, и только следом яблоко мягко упало ему в руки.

— Черт! — выругалась я, опуская лук. Плечо ныло.

— Спасибо, что не в голову, сестра, — Тео нервно усмехнулся, разглядывая целое яблоко.

— Я не могу поймать момент, — я смахнула пот со лба. — Время замедляется, я всё вижу... но руки будто не успевают. Будто тело забыло то, что помнят глаза.

Тео подошел и обнял меня за плечо, вкладывая яблоко мне в ладонь.

— Ты справишься. Без учения нет умения, помнишь? Пойдем, тебя мама звала.

Мама. Женщина с раздробленными ногами, которая месяцами не покидала своей комнаты. Для сокола застрять в четырех стенах, не имея возможности даже встать — это ад. Настоящий, земной ад. Мне было её жаль до щемящей боли в груди.

Я вошла в её комнату. Пахло сухими травами и пылью. Мама склонилась над вышивкой, сосредоточенно ведя иглу.

— Мама? Ты звала?

Она подняла голову и прищурилась, будто пыталась разглядеть во мне ту, прежнюю Риту.

— Прости, я думала, ты занята, — она медленно отложила пяльцы. — Садись.

— Я постою. Что случилось?

— Хотелось поговорить... — она замялась. — Ты совсем ничего не вспомнила?

Я покачала головой. Очевидно же. За два месяца — ни единого кадра, ни одной вспышки. Время течет как вода, а я стою на месте, запертая в собственном теле, как в клетке.

— Если бы я только знала, как тебе помочь, Рита, — прошептала она, прикрывая глаза.

— Ты не виновата в том, что со мной сделали другие.

— Ты не помнишь его лицо? Того, кто был рядом?

— Пыталась... Тщетно. Вырезали куски моей жизни, как ненужный хлам. Осталась только пустота... и этот волк.

— Кaleb?

— Угу... — я поморщилась. — Вчера вечером притащилась в форме мыши. Я его отшвырнула так, что думала — кости переломаю. Наглый...

Мама протянула ладонь, и я невольно вложила свою руку в её сухую кисть.

— Кaleb не желает тебе зла, Рита. Ты правда не помнишь?

Я покачала головой.

— Только с ваших слов. Что я должна была помочь ему найти мать, что он влюбился, и после этого наши племена наконец перестали грызться... а потом война, Ксандер, Охотники. Это просто история из учебника, мам. Она не моя.

— Может... ты видела его мать? Стен сказал, ты сорвалась с места очень резко. Будто увидела кого-то на границе территории оборотней.

Я зажмурилась. Боги, за кем я бежала? Куда? Кого я встретила в том лесу перед тем, как мир погас? Это не жизнь, это сплошной допрос в темной комнате!

— Рита, — мама вдруг крепко сжала мою ладонь. — Будь осторожнее и... просто попробуй довериться. Я знаю, ты не готова открываться кому-то сейчас, но я так хочу, чтобы ты вернулась. С памятью. Наша.

Я застыла. Слова мамы ударили под дых. Раньше я думала, что доверять — значит собственноручно копать себе могилу. Но если даже она говорит такое... значит, цена вопроса слишком высока, чтобы продолжать скалиться на весь мир.

— Я не помню... Боюсь, не вспомню ничего, — выдохнула я, ссутулив плечи под тяжестью собственного бессилия.

Мама ничего не ответила. Если уж на то пошло, она и сама толком не знала, что именно произошло в тот роковой день. Я вышла из её комнаты и медленно спустилась по лестнице вниз. Папы дома не было. Он разведчик, как мне твердили, и сейчас следит за тем, чтобы к нашему поселению не пробрались охотники. Хоть запах роз и дурманит их разум, расслабляться нельзя — враг всегда ищет лазейку.

Моя задача казалась простой: просто брать и вспоминать. Но как можно выудить то, чего нет? Мозг — великий обманщик. Он может мастерски достраивать картинку, заполнять пробелы фальшивыми деталями, лишь бы избавиться от пустоты. И мне этот феномен ох как не нравился.

Дверь распахнулась, и на пороге возникли Тео и Рокки —

его лучший друг, как я успела узнать за это время.

— Рит, есть задание, — Рокки по-хозяйски скрестил руки на груди.

— И что на сей раз вы мне предложите? — я скептически выгнула бровь.

За последние два месяца они перепробовали всё: от стрельбы из лука до «случайных» прогулок по самой границе территории оборотней. Навязчивая забота начинала утомлять.

— Пойдем к пруду? — почти синхронно спросили они.

— К пруду? Зачем?

— Обычно люди там купаются, но ты можешь придумать что-то свое, — усмехнулся Рокки.

Спорить с ними было себе дороже — проще согласиться. Уже через десять минут мы были на месте. Пруд прятался совсем рядом с лесом: зеркально чистый и открытый солнцу. Воздух здесь был особенным, с едва уловимым оттенком настоящей, бьющей ключом жизни. Не знаю, как описать это точнее, но это место действительно успокаивало.

Но не меня. Я отрешенно опустилась на поваленное дерево, поджав колени к подбородку, пока парни со смехом стягивали с себя лишнюю одежду. Рокки прыгнул первым — с разбега, прямо в штанах. Туча брызг долетела до меня, заставив зажмуриться.

— Эй, аккуратнее! — прокричала я, хотя на губах невольно заиграла улыбка.

— Иди к нам! Лето на дворе, вода как парное молоко! — хохотал Рокки, активно махая мне рукой.

Брат занырнул следом за ним, а я вдруг застыла. В голове что-то щелкнуло.

Вспышка.

Я с силой прижала ладони к ушам, пытаюсь заглушить внезапно возникший вой, но он только нарастал, превращаясь в невыносимый ультразвук. Боль пробила череп насквозь, острой иглой пройдясь по всему позвоночнику.

Стена. Огонь. Грозный волчий вой, от которого стынет кровь. Колени затряслись, и я вцепилась пальцами в кору дерева. Или это было что-то другое? Более твердое, холодное...

Кровь на снегу.

Нет... это не кровь. Это лепестки. Кроваво-красные, яркие, словно открытые раны на белом полотне.

— Рита! — крепкие руки Тео схватили меня за плечи, буквально выдергивая из вязкой пелены видения.

Я открыла глаза. Меня била крупная дрожь. Ладони брата были ледяными от воды, и этот холод помог мне окончательно прийти в себя.

— Где я могла видеть лепестки на снегу?.. — спросила я едва слышным шепотом.

— Лепестки? — Тео нахмурился, не выпуская меня.

— Да. Я только что видела их... так отчетливо. Они были как разлитая кровь, — мой язык заплетался, и я нервно поджала губы.

— Может, Кaleb тебе их дарил? — предположил Рокки, выныривая у самого берега.

— Не знаю... не помню.

— Искупайся, легче станет. Смой это всё, — тихо посоветовал брат.

Я кивнула. Наверное, это было самое нормальное предложение за последние дни. Я вошла в воду прямо в одежде — мне было плевать на липкую ткань и дискомфорт. Иногда нужно перебить нежность физической жесткостью, чтобы не сойти с ума.

Зайдя по пояс, я сделала глубокий вздох. Рокки наблюдал за мной, склонив голову набок, в его глазах читалось нескрываемое беспокойство.

— Лучше?

— Да... — выдохнула я, глядя, как круги на воде расходятся от моих движений.

Образ лепестков... Где я могла их видеть? Логика подсказывала, что эти алые пятна — кровь, но чья? Моя? Снег в наших краях лежал только у поселения оборотней. Они жили ближе к горам, и там белое покрывало не таяло практически круглый год, даже в самое жаркое лето. Значит, мои воспоминания ведут меня именно туда.

— Не застревай в своих мыслях, — прервал мои раздумья Тео и без предупреждения толкнул меня в воду.

Я едва успела инстинктивно задержать дыхание, прежде чем полностью погрузилась в прохладную глубину. Пузырь-

ки воздуха защекотали кожу, и на мгновение стало удивительно спокойно. Выныривать совсем не хотелось.

Я рискнула открыть глаза... и тут же оцепенела.

На меня, разрезая толщу воды, кто-то плыл. Это не была случайная тень или игра света. Это был человек. Пугающий, неестественно бледный человек с пустым взглядом.

Он преследовал меня. Преследует!

Его длинные руки потянулись ко мне, словно костлявые щупальца. От дикого, первобытного страха сковало все движения. Легкие начали гореть, требуя кислорода, и я, лишь чудом преодолев оцепенение, оттолкнулась от воды, выныривая на поверхность и судорожно захлебываясь.

— Господи, да что с тобой такое?! — Рокки тут же подхватил меня под руки, притягивая к себе, чтобы я не ушла на дно.

Я вцепилась в его шею, как в спасательный круг, пытаюсь выровнять рваное дыхание. Сердце колотилось так, будто хотело пробить ребра.

— Что ты там увидела? Маленькую рыбку? — попытался разрядить обстановку Тео.

— Там кто-то был... человек... — выдохнула я, не в силах отвести взгляд от темной глади воды.

Если бы это действительно был человек, он бы не смог так долго оставаться без воздуха. Значит, это морок? Плод моего больного сознания?

— Так, ладно, прогулка явно не удалась, — произнес Тео

уже серьезно, помогая мне выбраться.

Я снова всё испортила. Они искренне хотели мне помочь, подарить капельку нормальной жизни, а я, как всегда, отыскала тяжелое дождливое облако посреди ясного неба. Но этот человек под водой... он казался реальнее, чем всё, что окружало меня на берегу.

Рокки ушел к себе, а Тео усадил меня перед камином, плотно укутав пледом, чтобы согреть. Ткань казалась колючей, но тепло огня постепенно пробиралось под кожу.

— Кто тебя так яро преследует? — тихо спросил брат, присев рядом на корточки.

— Я не вижу его лица. Только резкие вспышки и обрывки, которых я не помню... Может, это тот самый человек, который наложил на меня это проклятие? — я прикрыла глаза, стараясь не вызывать в памяти тот водянистый силуэт.

Тео покачал головой, не отрывая взгляда от пляшущих языков пламени.

— Прости. Я не должен был толкать тебя в воду.

— Ты просто хотел помочь, — я попыталась улыбнуться, но губы едва дрогнули. — Это не твоя вина, что моя голова теперь — разносчик инфекции в виде морока.

Дверь с шумом распахнулась. В дом вошел отец, тяжело дыша. С его одежды ручьями стекала вода. На улице дождь?

Я прислушалась. Действительно, погода испортилась так стремительно, что я даже не заметила за своими видениями. Но, вопреки всему, звук капель, барабанищих по кры-

ше, приносил странное спокойствие. От этого мерного шума захотелось закрыть глаза и провалиться в глубокий сон без сновидений.

— Как разведка? — спросил Тео, поворачивая голову к отцу.

— Ничего нового. Охотников поблизости нет. Будто после той резни они все разом вымерли, — папа скинул промокший плащ на пол и подошел к нам, распространяя запах сырости и хвои.

— Хотелось бы в это верить, — прошептал Тео.

Отец уселся в соседнее кресло, взяв в руки кружку с настойкой роз. Пряный, дурманящий аромат тут же заполнил пространство у камина.

— Ты как, Рита? — он внимательно посмотрел на меня.

Я отвела взгляд. Как я? Да никак. Если я расскажу ему про морок под водой и костлявые руки, меня точно сочтут сумасшедшей.

— Хорошо. Мы сегодня к пруду ходили, немного развеялись, — спокойно ответил брат за меня, избавляя от необходимости врать.

— Завтра мы снова идем к Саламандрам, — ровным тоном произнес отец, глядя в свою кружку.

Я подняла голову.

— Снова? За эти два месяца я там стала уже как коренной житель.

— Других вариантов нет.

Только вот из всех «практичных» вариантов этот казался самым бесполезным. Вместо возвращения настоящей памяти я лишь глубже погружалась в обрывки чужой жизни, которой у меня, судя по всему, никогда и не было.

Сколько я проспал? Кажется, целые сутки. На дворе уже догорал вечер, а по крыше монотонно барабанил дождь. Я медленно потер глаза, с трудом отгоняя липкие остатки снов. Хотя, честно говоря, лучше бы эти сны были реальностью, чем то, что ждало меня наяву.

— Доброй ночи, — раздался спокойный голос из угла.

Я резко дернулся, едва не свалившись с дивана. Тони сидел за столом и с совершенно невозмутимым видом листал какую-то книгу.

— Ты что, из-под земли вырос? — выдохнул я, прикрывая глаза ладонью. — Ты в моем доме уже скоро пропишешься, дружище.

— Вполне могу, — Тони закрыл книгу, не меняя выражения лица. — Иначе кто будет следить за тем, чтобы ты хоть иногда спал, а не превращался в призрака?

— Не нужно за мной следить, я не ребенок, — я поднялся с дивана, вытянув руки к потолку и чувствуя, как с неохотой растягиваются затекшие мышцы.

— Ты звал её во сне...

Я замер на полуслове. Воздух в комнате будто стал гуще.

— Кого?

— Догадайся с трех раз, кого ты последние два месяца пытаешься вытащить из пелены забвения, — Тони встал из-за стола и серьезно посмотрел на меня. — Ты не один головой поехал, судя по всему.

— Не говори загадками, я только проснулся.

— Рита. Я был сегодня у их пруда. Меня не заметили, но я видел, как она ломается, Кaleb. Сначала её накрыло вспышкой боли, она твердила про какие-то лепестки, похожие на кровь... А потом вынырнула из воды с таким лицом, будто собственную смерть там увидела.

Я застыл, забыв, как дышать. Она ломается, а я сижу здесь, запертый в четырех стенах своих подозрений, и ничего не могу с этим поделать. Кого она видит в своих кошмарах? Что с ней происходит? Эти вопросы били меня под дых, похлеще любого вражеского клинка.

— Она больше ничего не сказала?

Тони покачал головой:

— Нет. Тео сразу увел её обратно в дом.

Друг снова опустился на стул и открыл книгу на середине.

— Да что ты там высматриваешь всё время? — нахмурился я, подходя ближе.

— В этой книге подозрительно мало страниц. И все они вырваны — видишь, обрывки у переплета? Но я нашел одно уцелевшее предложение про мага и целителя.

Я наклонился, всматриваясь в пожелтевшую бумагу.

— Эту книгу читала моя мама... И страниц там точно бы-

ло больше.

— Значит, кто-то очень не хотел, чтобы о нем знали, — Тони провел пальцем по строчке. — Но если верить этому ключку... такой маг действительно существует. Он отшельник. Это всё, что удалось выудить.

— И что ты предлагаешь? — я поднял на него взгляд.

— Завтра Риту снова поведут к Саламандрам. Они маги, должны знать о своих «сородичах». Спроси их.

— Чтобы Рита меня увидела и снова в лицо плюнула? — я горько усмехнулся.

— Согласись, ты только этого и ждешь. Лишь бы увидеть её.

Ладно, этот черт знает меня лучше, чем я сам. Страницы вырваны... Кто решился на такой дерзкий шаг в моем собственном доме? Но если это единственный призрачный шанс помочь ей — я вцеплюсь в него зубами.

Глава 3

Мы снова — отец, брат и я — начали подъем к окраине, а именно к Огненным Вершинам. Поселение Саламандр ютилось на самом краю обрыва, надежно укрытое живой стеной рыжего пламени. Огонь ревел, преграждая путь любому чужаку.

Отец, не колеблясь, сделал шаг вперед. Пламя послушно качнулось и расступилось, как дрессированный пес. Говорят, огонь не жалит, если не чувствует от тебя угрозы, но мне всё равно казалось, что он пробует мою кожу на вкус.

Внутри поселение жило своей странной жизнью. Группа магов тренировалась разжигать костры, используя лишь сухие листья и силу воли; другие, застыв в глубокой концентрации, левитировали камни, заставляя их медленно кружить в воздухе. Главное оружие Саламандр — умение обращать плоть в камень — всегда казалось мне сомнительным даром. Если не разбить статую сразу, враг со временем «оттает». Бессмысленная трата сил: ты либо убиваешь, либо просто создаешь себе временную декорацию.

— Стен, друг мой! — Энди, один из магов и их вождь, раскинул руки в приветствии.

— Мы снова к тебе за практикой, — глухо выдохнул папа и отошел в сторону, уступая мне место.

Я замерла, обхватив себя руками. Было страшно до тошноты. Вела ли я себя так же до того, как пустота сожрала мои воспоминания? Была ли я такой же... беспомощной?

Энди бесшумно обошел меня сзади и бесцеремонно опустил подбородок мне на плечо.

— Что-то вспомнилось, Сокол?

Я лишь коротко мотнула головой, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение.

Парень закатил серые глаза.

— М-да, тяжелый случай.

— А мы без тебя будто не поняли, — огрызнулся Тео, делая шаг ко мне.

— Спокойно, дружище, всему свое время. Ты слишком напряжена, — Энди внезапно вцепился мне в плечи, начиная больно, до хруста, массировать мышцы.

Я резко дернулась, сбрасывая его руки.

— Прекрати.

— Характер прежний, — он усмехнулся. — Хотя до потери памяти ты бы уже долбанула мне по морде.

«Не поверишь, я и сейчас этого хочу», — подумала я, сжимая кулаки. Единственное, что меня останавливало — присутствие отца и брата. Стыдно было устраивать сцену перед теми, кто всё еще надеется меня починить.

— Энди, хватит её мучить, — раздался холодный голос Хелен. Она шла к нам — спокойная, властная, настоящая ведьма. Единственный человек здесь, чей взгляд не вызывал

у меня желания немедленно сбежать.

Саламандры считались самыми неконфликтными среди племен. Им доверяли. Но я не могла. Два месяца они возились с моим разумом, и два месяца я видела лишь серый туман вместо своего прошлого.

— Рита, вставай, — приказала Хелен.

— Куда?

— В круг.

Только сейчас я заметила на земле ровное кольцо, выведенное раскаленным песком. Сделав шаг внутрь, я почувствовала, как Саламандры обступили меня, замыкая пространство.

— Не смей отводить взгляд, — Хелен подняла руки. Между её пальцев заплесали мелкие искры.

Я впиалась взглядом в её глаза, стараясь не моргать. Внутри всё сжалось: а что, если это снова закончится ничем? Что, если я так и останусь пустой оболочкой, которую все пытаются наполнить чужими ожиданиями?

Мое тело начала бить мелкая, неприятная дрожь.

— Так, процесс пошел... — донесся сзади шепот Энди.

Он повторял пассы Хелен, а я стояла между ними, словно безжизненная статуя. В голову закралась жуткая мысль: а что, если они и правда делают из меня истукана? Чтобы я не мучилась, чтобы просто перестала существовать как личность? Эта догадка ударила в грудь с такой силой, что лицо непроизвольно исказилось.

— Не смей отворачиваться! — снова приказала Хелен.

— Я не...

Голова. Мать твою, голова! Мир вокруг взорвался. Я зажмурилась и закрыла уши руками, но это не помогло. В черепе поселился невыносимый визг, а следом пришла боль — такая, будто по темени со всего маху ударили кузнечным молотом.

Картинки замелькали, сменяя друг друга с бешеной скоростью. Кто я? Где я? Что это за место?

Холм. Дом. Лук. Роза... Кровь на моих ладонях. Теплая...

Я не могла разглядеть детали, всё плыло. Я дергалась в конвульсиях, не слыша, что мне кричат отец и Тео. Страх затопил горло, вытесняя воздух. Ноги стали ватными и перестали слушаться. По телу прошел жар, обжигая внутренности, и я распахнула глаза.

Выступ. Пропась. Край каменной плиты ушел из-под ног.

Я потеряла равновесие. Отец и брат рванулись ко мне, их вытянутые руки застыли в воздухе, не долетев до моих пальцев считанных сантиметров. Я уже летела вниз. Крик разорвал тишину подгорки, и я снова закрыла лицо руками. Перед глазами всё еще стояли те видения. Нет! Не уходите! Оставайтесь!

Я ждала удара. Ждала, что сейчас встречусь с землей и моя жизнь оборвется, так и не успев начаться.

Внезапно кто-то мертвой хваткой вцепился мне в шиворот. От резкой остановки на высокой скорости горловина

комбинезона едва не перерезала мне дыхание. Я закашлялась, жадно хватая ртом воздух, и задрала голову.

Белый орел.

Он осторожно опустил меня на камни, но ноги не удержали, и я позорно шлепнулась на задницу. Внутри всё еще колотилось сердце, а перед глазами плясали пятна. Секунда — и вместо птицы передо мной завихрилась черная дымка. Калёб. Он уже стоял здесь, возвышаясь надо мной.

— Как ты? — спросил он, опускаясь на одно колено.

— Могло быть и лучше, — прохрипела я.

— Ты что-то вспомнила?

— Нет... Только обрывки. Картинки, которые я не могу понять.

— Что именно ты увидела?

Боже, он достанет меня своими расспросами даже в аду. Я резко вскочила, игнорируя дрожь в коленях.

— А ты какого черта здесь делаешь? Тебя не приглашали в Огненные Вершины.

— Ничего, что я тебя только что спас? — он прищурился.

— Ничего. Может, ты сам меня и толкнул? Чтобы я поскорее всё вспомнила и прыгнула к тебе в постель? Не дождешься, оборотень.

Я развернулась и на негнущихся ногах пошла прочь, к выходу из поселения Саламандр. Я знала, что эти сеансы пока не дают ответов. Но внутри теплилась слабая надежда: за два месяца я впервые увидела не просто красное марево, а

реальные образы. Кровь и розы. И именно это теперь меня преследует вторые сутки подряд.

На спуске меня перехватил Тео. Он несясь сломя голову, и его дыхание вырывалось из груди с присвистом.

— Цела? Руки, ноги на месте? Дышать не тяжело? — он вцепился в мои плечи так сильно, что кости жалобно хрустнули.

— Все в порядке, — ответила я, пытаюсь унять дрожь. — Меня спасли.

— Я знаю...

Брат сгреб меня в охапку, прижимая к своей груди так, будто хотел спрятать от всего мира. Я уткнулась носом в его плечо и обняла его в ответ. В этом жесте было слишком много отчаяния.

— Почему ты потерялась в пространстве, Рита? — прошептал он мне в макушку.

— Не знаю... голова взорвалась. А потом я просто перестала чувствовать землю.

— Это значит, что твоя память возвращается через боль, — раздался холодный голос Хелен. Она подошла к нам вплотную. — Твой мозг выстроил баррикады. Чтобы их снести, нужна грубая сила.

— А можно... без боли обойтись? — я подняла голову.

— Можно, — Хелен равнодушно пожала плечами. — Но тогда ты вспомнишь только шелуху. Какого цвета было твое любимое платье или какой чай ты пила по утрам. Бесполез-

ный хлам, который тебе и даром не нужен.

Я посмотрела на брата. Его лицо было бледным, в глазах застыл страх.

— А может, ну его? — прошептала я. — Буду учить всё заново. Буду жить с чистого листа... Ну подумаешь, выпали девятнадцать лет. Это же не критично, правда? Тео, скажи, что это не конец света.

Брат промолчал, но за него ответила Хелен. Она начала медленно обходить нас по кругу, словно хищник, выбирающий точку для прыжка.

— Критично. Потому что без прошлого ты — чистый лист, на котором любой может написать свою ложь. Тебя слишком легко обмануть, Рита. Тебе могут сказать, что ты предала свой род. Могут внушить, что в родном поселении тебя держат лишь из жалости... или для опытов. Как диковинного зверя, который забыл, как кусаться.

Я отвела взгляд. Мое тело непроизвольно дернулось, а пальцы впились в пальто брата. Мысль о том, что мои близкие могут что-то скрывать, кольнула сердце ледяной иглой. Такого просто не может быть. Ведь не может же?..

— По глазам вижу — сомневаешься, — Хелен остановилась прямо передо мной. — Именно поэтому ты должна вспомнить всё. Чтобы знать, кто тебе друг, а кто просто уметь притворяться.

Я в очередной раз с силой прижался лбом к шершавой

коре дерева, чувствуя, как кожа горит от ссадин. Плевать. Внутри всё выгорало куда сильнее. Она не вспомнит. Просто не вспомнит меня, и всё!

— Выглядишь паршиво, — раздался голос Энди где-то сбоку.

— Правда? — я даже не обернулся, голос прозвучал сухим и насквозь пропитанным иронией. — А я и не заметил. Думал, синяки под глазами размером с кулак — это новый писк моды.

— Паршиво, — подтвердил маг, игнорируя мой сарказм. Похоже, чувство юмора у Саламандр атрофировалось вместе со способностью потеть.

— Чего тебе? — я оттолкнулся от ствола и посмотрел на него.

— Спросить, как ты, — он просто пожал плечами.

— Прекрасно. А теперь катись отсюда в пир, в мир и к добрым людям. Мешаешь.

Парень кивнул и уже сделал пару шагов обратно к подъему, как я опомнился.

— Энди! — маг обернулся. — Ты слышал что-нибудь про мага-отшельника?

— Ну... в наших краях таких не водилось. Саламандры своих не бросают, мы никогда не теряли никого из клана.

— Кажется, он Сокол, — я скрестил руки на груди. — Тони обещал разузнать, но мне эта информация нужна прямо сейчас. Жизненно необходимо.

— Хочешь отправить Риту к нему?

— Желательно. Раз она из их рода, он может знать о её состоянии больше, чем все ваши искры и песочные круги вместе взятые. Его не зря зовут магом, для такой клички в наших лесах нужны веские причины.

Энди поджал губы, явно взвешивая что-то в уме.

— Жди здесь.

— Ты куда?

— Вернусь через десять минут!

— Я за эти десять минут успею сам всё выяснить! — крикнул я ему вслед, но маг уже скрылся за скалистым выступом, ведущим к его племени.

Десять минут. Отсчет пошел. Каждая секунда бездействия вгрызалась в мозг. Глаза жгло так, будто в них насыпали пепла. Я не спал черт знает сколько... сутки, недели? Всё из-за неё. Из-за Сокола, который умудрился разбить мое сердце, собрать его по осколкам и снова разнести в пыль одним равнодушным взглядом.

— Ты — Калёб?

Я резко обернулся, рука сама дернулась к скрытому ножу. На меня смотрела девчонка лет пятнадцати. Светлая кожа перекинута через плечо, взгляд серьезный, не по возрасту.

— Да... — я немного расслабился, но взгляда не отвел.

— Я Аллен. Тебе всё еще нужны сведения про отшельника?

Я коротко кивнул. И она собирается мне что-то рассказы-

вать? Больше похоже, что она пришла поиздеваться.

— Моя бабушка два года назад начала слепнуть. Дикая слепота, белая пелена перед глазами, — начала она, подойдя ближе. — Кто-то шепнул мне про этого человека. Имени не называли, но я рискнула. Отвела её в глушь. Он был строгим, но вылечил её за два дня.

— Ты помнишь дорогу? Покажешь? — я подался вперед, чувствуя, как внутри вспыхнула надежда.

— Только у меня условие.

— Всё, что хочешь.

— Говори о нем только тем, кому доверяешь как самому себе. Я много знаю об этом отшельнике, но не имею права болтать. Если он захочет — сам расскажет, кто он и откуда.

— Идет... Показывай.

Я выудил из внутреннего кармана комбинезона помятую карту. Аллен внимательно изучила местность и уверенно ткнула пальцем в точку за горой, совсем недалеко от территории моей стаи.

— Вот здесь. Ты ведь оборотень?

— Да.

— Значит, тебе бояться нечего. Вас же не убивает запах роз?

— Как оказалось — нет, — я невольно усмехнулся. В этом мире розы приносили смерть многим, но мы, похоже, были исключением.

— Это всё, что я могу. Дальше сам.

— Спасибо, Аллен. Ты даже не представляешь, как помогла.

Аллен исчезла так же стремительно, как и появилась, оставив после себя лишь тихий шорох травы. Я остался стоять один. Маг-отшельник... последняя нитка, за которую я хватаюсь, чтобы не упасть в ту же пропасть, куда угодила её память.

Может, я зря вырываюсь из кожи? Она ненавидит меня. В её глазах я — враг, чудовище, захватчик. Да, я перегибал палку, я ломал её волю, но я никогда не хотел причинить ей ту боль, что ломает кости. А она ломает меня без ножа. Режет по живому, медленно и со вкусом, так, что моё сердце скоро просто откажется качать кровь. Я слежу за ней, пытаюсь закрыть собой от каждой тени, но всё тщетно. А что, если она вспомнит меня только с плохой стороны? Тогда я потеряю её окончательно. Не физически — это я бы пережил. Я потеряю её душу.

Я дошел до края территории стаи и поднял глаза. Гора нависала над миром, огромная и равнодушная. По сравнению с этим каменным гигантом я казался себе жалкой букашкой, которую легко раздавить одним неосторожным движением.

Я бессильно опустился на траву. Взгляд сам собой зацепился за поле неподалеку от поселения. Там, кажется, еще вчера, она смеялась, сидя на спине Тони. Улыбалась, верила в жизнь и в то, что завтрашний день принесет только свет. А я верил, что она будет моей.

Я полюбил Риту задолго до того, как увидел её лицо. С первого слова, услышанного о ней. Если бы она погибла от рук Рута или, что еще страшнее, Ксандера — я бы не раздумывая ушел следом. Одна половина сердца не может биться, когда вторая превратилась в пепел. Элементарная биология... или проклятая любовь.

— Удалось что-то выяснить? — спросил я, не оборачиваясь.

Я чувствовал, как Тони подошел со спины. Он двигался осторожно, боясь потревожить тишину, которая звенела у меня в ушах.

— Ничего нового, — глухо ответил он. — Маг. Отшельник. Сокол. Одни и те же слухи по кругу. Никто даже имени его не знает.

— Нам нужно подготовиться... — выдохнул я. Собственный голос показался мне чужим.

Друг сел рядом. Мы знали друг друга с тех времен, когда обычная палка казалась мечом, а разбитые в кровь колени были лишь поводом для гордости, а не для слез.

— Мы найдем способ вытащить её из этой пелены, Кaleb. Я клянусь тебе, — твердо сказал Тони.

Я лишь покачал головой. У меня не осталось сил на клятвы. Пусть она видит меня бойким, дерзким, даже злым — каким угодно. Я просто не хочу, чтобы она знала, как на самом деле я медленно умираю внутри этой тишины.

— Сконцентрируйся. Смотри на него так, будто это глаз твоего злейшего врага, — в очередной раз наставлял меня Тео.

Я стояла на стрельбище среди детей-соколов, которые уже вовсю и с явным азартом дырявили яблоки и «подстреливали» друг друга. Конечно, стрелы у них были тренировочные, без наконечников, но меткости им было не занимать.

— Я не могу... меня будто что-то толкает под локоть, — выдохнула я, снова поднимая лук.

Яблоко впереди замерло, насмешливо поблескивая красным боком. Мне нужно было всего лишь прицелиться и выпустить стрелу. Я медленно натянула тетиву, чувствуя её упругое сопротивление. Задержала дыхание. Взгляд сфокусировался, активируя соколиное зрение — мир вокруг стал четче, звуки приглушились. Выстрел!

В самый последний миг рука предательски дрогнула. Стрела со свистом прорезала воздух и с глухим стуком вонзилась в пенек, на котором стоял плод. Яблоко даже не шелохнулось.

— Я никогда не смогу...

— Тео! — внезапно выкрикнул незнакомый голос за нашими спинами.

Мы оба резко обернулись. К нам, заметно припадая на правую ногу, шел парень. Я видела его впервые... или мне так только казалось?

— Ты кто такой? — Тео сделал шаг вперед, инстинктивно

закрывая меня собой.

— Меня прислал Кaleb. Он говорит, что нашел способ вернуть Рите память.

Я посмотрела незнакомцу прямо в глаза.

Вспышка.

Густой, непроглядный лес. Сбитое, хриплое дыхание. Чьи-то приглушенные стоны, от которых сводит челюсть. Кровь на сухой листве. Кости... Слишком много крови. Вспышка боли, прошившая виски, и дикий, раздирающий горло крик.

Мир вокруг поплыл и перевернулся. Дыхание окончательно сбилось, ноги стали ватными, и я рухнула вниз — то ли на холодную землю, то ли в вовремя подставленные руки брата. Виски пульсировали так, будто в череп вбивали гвозди. Я точно схожу с ума.

— Рита! Открой глаза. Слышишь? Слушай мой голос!

Я через силу разомкнула веки. Я и правда сидела на траве, прижатая к теплой груди Тео.

— Ты в порядке? — взволнованно уточнил брат.

Я не ответила. Весь мой мир сейчас сузился до этого хромом незнакомца.

— Мы... мы ведь встречались раньше? — прохрипела я.

— Да. Ты спасла меня в лесу, когда я угодил в капкан, — парень смотрел на меня с какой-то странной смесью благодарности и жалости.

Значит, моя голова хоть в чем-то не лжет. Но если это

правда, то что тогда было на пруду? Что за морок преследовал меня там?

— Мы придем, — Тео коротко кивнул парню, помогая мне подняться.

— Они ждут. Можете позвать с собой Стена, чтобы ей было безопаснее.

Я прикрыла глаза, чувствуя, как внутри всё выгорает. «Безопаснее» для меня сейчас означало только одно — лечь и больше никогда не просыпаться, лишь бы не видеть этих кровавых лепестков на белом снегу.

В последний раз я была здесь ровно два месяца назад. С тех пор только этот Калев вечно ошивался на территории соколов, пытаюсь вынюхать — жива я или нет. Они сказали, что нашли лучший способ вернуть мне память. Ага, Саламандры тоже самое говорили мне на протяжении месяца. Я была подопытной крысой, а не человеком, которому нужна помощь.

До поселения оборотней мы добирались пешком. Отец всю дорогу твердил, как сильно хочет вернуть прежнюю меня, а я молча слушала. Два месяца я глотаю эти речи и, не поверишь, папа, я хочу этого не меньше твоего!

У самого входа нас уже ждали двое: Калев и его приятель, кажется, Тони.

Отец выступил вперед, закрывая меня собой. Тео, который всю дорогу хранил мрачное молчание, подошел вплотную и положил руку мне на плечо.

— Я нашел человека, который может помочь, — без лишних предисловий начал Тони.

Я замерла. Неужели из этого тупика нашелся выход? Или будет так же как и с другими?

— Кто он? — глухо спросил отец.

— Маг-отшельник. Говорят, в прошлом — сокол.

— Как его зовут? — Папа нахмурился, явно пытаясь выудить из памяти знакомое имя.

— Я не знаю, извините, — Тони качнул головой. — Мы с Калемом сами отведем её к нему.

— Я иду с вами, — отрезал Тео.

— Козел пернатый... — едва слышно выдохнул Тони.

— Пес плешивый, — в тон ему отозвался брат.

— Обожаю тебя, сокол, — хмыкнул Тони, но тут же осекся, поймав на себе тяжелые, обещающие кару взгляды Калеба и моего отца. — Ладно... Проехали.

— Почему вы так уверены, что он поможет? — уточнил папа, не сводя глаз с оборотней.

— На войне все способы хороши, — ответил за друга Калев. Его взгляд на секунду коснулся моего лица, и я снова почувствовала тот странный холод. — Мы не знаем, что старик сделает, поэтому будем рядом. Но попробовать стоит. Одна девушка рассказывала, что этот маг когда-то излечил её бабушку от слепоты. Значит, он видит то, что скрыто от других.

Папа замолчал, задумчиво потирая бороду. Я видела, как

он борется с собой. Доверить свою дочь оборотням — всё равно, что бросить кусок свежего мяса льву и надеяться, что хищник сегодня не голоден.

— У нас нет другого выхода, отец, — Тео посмотрел на него в упор. — Либо так, либо она навсегда останется тенью самой себя.

Папа поднял глаза на меня. Всё это время я молчала, пока другие решали мою судьбу, взвешивали мои шансы. Но внутри я уже всё решила. Я была готова шагнуть хоть в бездну, лишь бы перестать быть этой пустой оболочкой.

— Хорошо, — наконец сдался отец. — Можете выдвигаться прямо сейчас.

Я округлила глаза. Сейчас?! Прямо в чем стою?

— Пап, я даже вещи не собрала... — пробормотала я, растерянно глядя на свои пустые руки.

— Ничего. Думаю, у оборотней найдется всё необходимое. Так ведь? — Отец смерил Тони тяжелым взглядом. Тот нервно закивал, кажется, боясь моего родителя больше, чем саму смерть.

— Думаю, стоит идти налегке, — вклинился Тео, поправляя ремень лука. — Если этот старик действительно поможет, мы поймем это в первые же минуты. А если нет — зачем таскать баулы через перевал.

Папа кивнул, одобряя его практичность, и крепко прижал меня к себе.

— Вернись собой, Рита. Прошу тебя... — прошептал он,

целую меня в макушку.

— Я вернусь, пап. В любом случае. Со мной же брат.

Краем глаза я заметила, как Калев поджал губы и отвел взгляд в сторону леса. Мне от этого жеста было ни холодно, ни жарко.

Секунда — и обоих парней окутала густая серая дымка. Когда она рассеялась, передо мной стояли два коня: ослепительно белый и пепельно-серый. Я до сих пор не могла привыкнуть к их способностям — это казалось чем-то за гранью реальности.

Тео привычным движением вскочил на Тони, а я должна ехать на Калеве? Seriously? На этом наглom типе, который вчера прикидывался мышью?

— Я пешком пойду, — отрезала я, пятясь назад.

— Ноги сотрешь в кровь. До его дома десятки километров по камням, — отозвался Калев. Конь подошел вплотную, не оставляя мне пространства для маневра.

Выбора не было. Вздохнув, я запрыгнула ему на спину, вцепившись пальцами в жесткую гриву.

— Ну, ведите, — скомандовал брат.

Мы двинулись вперед. Я до последнего не сводила взгляда с отца, стоявшего у ворот, пока его фигура не превратилась в точку. «Я вернусь...» — прошептал внутренний голос.

Дорога оказалась сущим адом: бесконечные серпантины, острые каменные выступы и узкие тропы над обрывами. Лошади-оборотни ступали по валунам уверенно, а я понимала:

пойди я пешком — мои ноги отвалились бы еще на первом подъеме.

Лес здесь был светлым, проходимым, почти без зверья. Но вдруг перед глазами что-то вспыхнуло. Резкий кадр, вырванный из темноты: заснеженная чаща и черное пятно на белом фоне... Смерть? Тень?

Я яростно мотнула головой, пытаюсь удержать этот образ, заставить память выдать хоть одну деталь. Но тщетно. Картинка рассыпалась пеплом. Я раздраженно выдохнула и на мгновение прижалась лбом к шее коня.

— Устала? — спросил Калев, не сбавляя шага.

— Нет... забудь.

Я подняла голову. Тони и Тео ушли далеко вперед, их силуэты едва виднелись за деревьями. Специально оставили нам место для разговора?

— Рита, я не желаю тебе зла. Ты должна это понимать.

— Я ничего тебе не должна, — огрызнулась я, хотя внутри всё сжалось. — Я боюсь тебя, Калев. И ты это знаешь.

— Из-за чего? Из-за того, что тогда в лесу я гнался за тобой волком? — Конь чуть повернул голову, глядя на меня большим темным глазом. — Я испугался за тебя. Думал, если побежишь одна, тебя схватят. Или того хуже...

— Мог бы побежать на своих двоих! Как человек!

— Мог. Но страх за тебя был выше рассудка. Ты имеешь право меня ненавидеть, Рита. Но не думай, что я твой враг.

Я промолчала, крепче сжав пальцы на его гриве. Не знаю,

правильно ли я поступаю, доверяясь ему. Но сейчас у меня была только одна цель: вспомнить, кто я такая на самом деле. Даже если для этого придется ехать на спине оборотня на край света.

По пути вперед я заметила силуэт. Тот самый старик?

— Извините! — громко окликнул его брат, придерживая Тони.

Мужчина с седой, спутанной бородой медленно повернулся к нам. Мы с Каледом поравнялись с ними.

— Вы не знаете, как проехать к магу-отшельнику? — спросил Тео.

— А зачем он вам сдался? — старик нахмурился, опираясь на суковатую палку.

— Нам нужна его помощь. Моя сестра... она в беде. Так вы подскажете дорогу?

Ох, не доверяю я этому мужчине. Да я, в прочем, никому не доверяю.

— Езжайте вперед. Его дом стоит на самой окраине леса, не промахнетесь.

— Вы знаете, как его зовут? — не унимался брат.

— Кто ж его не знает? — старик скривил губы в подобии усмешки.

— Мы, например, — вставила я, не выдержав. Мужчина окинул меня коротким, изучающим взглядом и снова переключился на Тео.

— Его зовут Эдмунд. Мужчина он спокойный, но сквер-

ный... иногда может и смерти пожелать. Но вы не пугайтесь, это у него юмор такой.

Я почувствовала, как Калевб напрягся. Узнал его по имени, что ли?

— Мужчина? — Тео удивленно выгнул бровь. — Разве ему не больше пятидесяти?

— Мальчик мой, ему больше ста. Езжайте уже, не задерживайте меня.

Мы синхронно кивнули, и наши кони-оборотни рванули вперед, обгоняя странного путника.

— Тебе тоже показалось, что старик чего-то не договаривает? — тихо спросил Калевб, косясь на меня.

— Без понятия, — отрезала я, хотя внутри всё сжалось от нехорошего предчувствия. — А ты напрягся.

— Знакомое имя, показалось, что я его где-то слышал.

Вскоре тропа нырнула в гущу леса. Лошади сбавили ход, продираясь сквозь хлесткие ветви. Одна из них с размаху съездила мне по лицу. Что ж, прими это, Рита, как плату за упрямство и стертую память.

— Смотрите! — Тео ткнул пальцем вперед.

Но вместо жалкой хижины, которую я ожидала увидеть, перед нами вырос... мать его, настоящий особняк из дорожного камня. Двух этажный, с красивыми, большими окнами, острой крышей.

— Старик-то не бедствует, — присвистнул Тони и по-лошадиному фыркнул.

— Поместье в такой глуши? И даже без охраны? Вы уверены, что мы идем правильно? — я недоверчиво огляделась. Вокруг были только заросли, деревья и розы, которые росли еще недалеко от наших низин.

— Если тот старый пень нас не надул — то да. Двигаем.

Дорога стала ровнее, но от этого — только пугающей. Внутри комом разрасталась тревога. Двухэтажный дом из редкого черного камня, который в наших краях стоит целое состояние, выглядел чужеродным среди деревьев, еще и впереди дорожка покрыта дорогими камнями, словно это замок. Вокруг только городка не хватает. Как этот Эдмунд умудрился построить его здесь, вдали от цивилизации? И почему он находится здесь? Неужели доброе племя соколов его выгнали?

Тони и Калев вернулись в человеческий облик. До сих пор удивляюсь и не перестану. Почему у меня таких способностей нет? Я как навоз среди роз, в прямом и переносном смысле. Тео взбежал по невысокой лестнице и принялся неистово барабанить в массивную дверь.

— Эй! Есть кто живой?! — орал он, не переставая стучать.

Солнце уже почти скрылось за горизонтом, окрашивая лес в кроваво-красные тона. Я не оглядывалась, но ощущение было такое, будто он делает это зря и нам влепят по макушкам. Эти розы вокруг кажутся каплями крови, как в моих видениях.

— Стучишь так, будто уверен, что тебе здесь рады.

Низкий мужской голос раздался прямо у нас за спинами. Мы синхронно обернулись.

Я почувствовала, как мои глаза округляются. И этому человеку больше ста лет?!

Черные волнистые волосы длиной чуть ниже подбородка, глубокие морщины, которые ничуть не портили его суровой привлекательности, а скорее добавляли веса каждому слову. Полу расстёгнутая черная рубашка, тяжелый взгляд и главное... огромный, остро заточенный топор в руке.

Глава 4

— Опустите топор! Мы с миром! — выкрикнул Тони, уже вовсю ныряя за спину Калеба.

Альбинос, не трата времени на церемонии, железной хваткой вцепился в мою руку и дернул назад, заслоняя собой. Впервые в жизни я была ему за это искренне благодарна.

Мужчина медленно выгнул бровь, но лицо его оставалось спокойным.

— И что вам здесь надо? Прodelать такой путь через овраги и бурелом только ради того, чтобы попить чаю? Вы должны быть либо героями, либо законченными глупцами.

Эдмунд начал подниматься по лестнице. Тео инстинктивно отступил в сторону — даже его выдержка дала трещину под этим тяжелым взглядом.

— Мы пришли за помощью, — глухо произнес Калев.

Отшельник остановился на верхней ступени и резким движением вбил топор в деревянную балку, выкрашенную редкими черными чернилами, прямо под светильником. Боги, да он неприлично богат! Я даже завидую.

— С чего вы взяли, что я стану помогать?

Мужчина развернулся к нам, скрестив руки на груди. Его взгляд, холодный и острый, внезапно остановился на мне. Замер. Впился в мои глаза.

Он что-то читал во мне? Или узнал? В любом случае я хочу, чтобы он отвел взгляд обратно. Я его боюсь и это правда!

— Потеря памяти? — выдохнул мужчина. Я больше не смела называть его «стариком». Слово застряло в горле.

— Как вы... — начал было Тео, но осекся.

— Проходите. Я так понимаю, вы все — группа поддержки?

— Я её брат, — отозвался Тео, возвращая себе голос. — Эти двое — наши друзья.

— Меня не волнует ваше семейное древо. Если собираетесь оставаться — прислуга выделит вам комнаты в заднем крыле поместья. Мне же нужна только больная.

Я слушала его, не в силах вымолвить ни слова. В каждом его движении, в каждом звуке голоса чувствовалась сила человека, который видел этот мир насквозь и давно в нем разочаровался.

Калеб сделал несколько шагов вверх по лестнице, сокращая дистанцию.

— Я не согласен. Если вы сделаете с ней хоть что-то... я лично оторву вам голову.

— Интересный вопрос: и зачем тебе моя голова, Калеб?

Они что, реально знакомы? Что ж тогда Калеб сразу не повел меня к нему и ждал два месяца? Но по его взгляду я поняла, что он тоже ни черта не понимает.

Альбинос застыл как вкопанный.

— Я не называл своего имени...

— Ты вождь оборотней. Надеюсь, мы пришли к конструктивному диалогу? Или ты так и будешь пялиться на меня взглядом детской неожиданности?

Калеб поджал губы. Он явно лихорадочно подбирал колкость, чтобы ответить ударом на удар.

— Я буду рядом с ней. Это не обсуждается.

— Что-то не нравится — я никого не держу. Но если ты будешь маячить у неё за спиной всё это время, я не смогу оценить масштабы повреждений. А значит — не помогу. Мне нужны не ваши пустые головы, а её разум. Достаточно развернуто объяснил?

— Кристально, — прошипел Калеб сквозь зубы.

— Вот и славно.

Эдмунд резко развернулся и распахнул перед нами тяжелые створки.

Внутри всё выглядело как оживший ночной кошмар. Света почти не было, лишь вдоль стен в резных чашах плескалось странное голубое пламя. Оно не грело, а лишь заливало холл мертвенным, призрачным сиянием.

У подножия массивной лестницы, ведущей на второй этаж, замерли две молодые девушки в строгих платьях.

— Айри, проводи гостей в заднее крыло, — бросил Эдмунд, даже не глядя на них.

Темноволосая девушка молча кивнула своему «лорду» и жестом указала парням на коридор справа. Калеб на секунду задержал меня, крепко сжав локоть, и придвинулся к самому

уху.

— Будь осторожна, — прошептал он. — Этот тип мне чертовски не нравится.

Я лишь коротко кивнула. А что я могла сделать против остроязычного мага, которому перевалило за сотню лет? Да ни черта.

Эдмунд уже шагал в противоположную часть коридора, не оборачиваясь.

— Потеряешься — искать не стану. Так что советую держаться рядом, — долетел до меня его сухой голос.

— В смысле? Прямо сейчас? — Тео нахмурился, делая шаг вслед за нами.

— Лечение начнется сию минуту. Я не намерен тратить лишнее время на созерцание соколов.

— Вы же сами сокол! — не выдержал Тони.

Эдмунд замер. Он медленно, почти механически повернул голову, и в голубом свете его глаза показались двумя бездонными провалами.

— Бывший сокол.

— Бывших соколов не бывает, это у нас в крови, — упрямо возразил Тео, вскинув подбородок.

— Ты многого не знаешь, остроглазый. Идем.

Эдмунд двинулся дальше вглубь поместья. Я последовала за ним. Лишь на мгновение я обернулась. Парни стояли в холле как вкопанные, провожая меня такими взглядами, будто я уходила на смертный бой.

А я и ощущала себя как на войне.

Он проводил меня в просторный холл. Высокие окна уходили под самый потолок, замирая в густых тенях, а в камине лениво догорали угли. Пол тут и вообще походил на стеклянный. Идеально вымытый. Ну, очевидно, в его одиночном положении он все тут может поделать, тридцать раз на дню.

— Садись, — приказал он.

Я послушно опустилась в мягкое кресло. Эдмунд подошел к столу в углу, взял кубок, какой-то серый порошок и вернулся ко мне. Что он собрался с этим делать?

— Твоя задача проста: смотри на воду, пока я буду сыпать вещество. И говори всё, что увидишь — от ряби до лиц.

Я лишь кивнула. Когда он стоял так близко, слова застревали в горле, а язык будто прирастал к нёбу. Я взяла чашу; вода дрожала у самых краев, отражая блики камина. Мужчина опустился на одно колено, мазнул по мне коротким взглядом и начал медленно сыпать порошок в кубок.

— Рябь... — выдохнула я, не смея моргнуть.

— Терпение.

Я замерла. Что он хочет там найти? Однако зрение начало подводить: глаза затянуло странной пеленой, мир вокруг поплыл.

— Я... не вижу вас. Вы размыты, — прошептала я, чувствуя, как кружится голова.

Эдмунд едва заметно качнул головой — или мне это только показалось в мареве? Серый порошок в его пальцах вдруг

начал темнеть, превращаясь в вязкую, угольную черноту. Хотя я точно помнила, что секунду назад он был светлым!

— Чернеет...

— Порошок?

— Да... становится как смола...

Я моргнула, пытаясь сбросить наваждение, но стало только хуже. Из глубины кубка, прямо из черной воды, на меня взглянули красные глаза. Пугающие, страшные до тошноты.словно сам дьявол поднялся из преисподней, чтобы заглянуть мне в душу. Без зрачков. Без души.

Я вскрикнула. Чаша в руках внезапно вспыхнула нестерпимым жаром; я отшвырнула её в сторону, не в силах терпеть жжение. Вода брызнула на пол, а порошок... он снова был серым. Обычная тягучая масса, никакой смолы. Но это напугало меня до чертиков и боли в голове.

Эдмунд поднялся, возвышаясь надо мной.

— Что ты увидела?

— Глаза... — я прижала ладонь к бешено бьющемуся сердцу. — Красные глаза... Как у дьявола. А потом чаша начала гореть, я обожглась!

— Такие глаза?

Мужчина моргнул, и я остолбенела. Мой крик застрял в легких. Его чистая голубая радужка исчезла — на её месте пульсировали кроваво-красные точки без зрачков. Те самые, из кубка.

Я резко вскочила, отшатываясь к стене.

— Кто вы такой?!

Он промолчал. Лишь медленно покачал головой, отворачиваясь к окну, и его взгляд снова стал привычно холодным.

— Урок окончен. Завтра продолжим.

— Что значит «урок окончен»? — я, подавляя дрожь в ногах, шагнула к нему. — Ответьте, зачем мы это делали? И что, черт, с вашими глазами?!

Мужчина медленно повернул голову, глядя на меня так, словно я была назойливым насекомым.

— Я тебя не держу. Я вижу, как ты напугана и как сильно хочешь сбежать. Хочешь до конца дней кутаться в пелену забвения? Пожалуйста.

Он развернулся и просто вышел, оставив дверь распахнутой настежь.

Да чтоб он... к черту!

Догнать его в лабиринте коридоров не вышло — он будто испарился в воздухе или скользнул в одну из потайных комнат. Раздраженно выдохнув, я прошла в главный зал, где у высокого окна всё еще стояли служанки.

— Где я могу... обосноваться? — мой голос прозвучал резче, чем я планировала. Да и к черту, если он себя так ведет, то и я могу... Нет, я не злая, точнее, только сейчас. Кажется, до пелены, мой характер и вовсе не изменился. Так мне говорил Энди.

Одна из девушек подняла взгляд:

— Ваша гостевая комната напротив зала, где вы занима-

лись с господином Эдмундом.

Я закатила глаза. Спасибо, что хоть не на конюшне.

Возвращаться в ту комнату, где я только что видела дьявольское отражение, не хотелось до боли. Я подошла к окну, выходящему на внутренний двор. Там, прислонившись к каменной кладке, стоял Калев. Он медленно курил самокрутку, глядя в никуда. К нему я не пойду тем более. Мало ли, что у него на уме под этим напускным спокойствием.

Пришлось вернуться. Комната напротив зала оказалась на удивление уютной: мягкое мерцание свечей, черные стены, украшенные затейливой росписью, и огромная двуспальная кровать. Я рухнула на нее прямо в комбинезоне, хотя кожа уже чесалась от желания скинуть с себя всё и смыть этот день.

— Вам подготовить купальню?

Я вздрогнула — даже не заметила, как служанка вошла следом. Да что ж они как черти в аду передвигаются?

— Да... Пожалуйста. Где она?

— Прямо за этой дверью.

Девушка отодвинула тяжелую штору, за которой скрывалась узкая створка. И зачем прятать ванную? Тайны этого дома начинали меня утомлять.

— Хорошо... — недоуменно ответила я и снова уставилась в потолок. — Ты давно служишь Эдмунду?

Девушка замерла на пороге купальни.

— Я не служу ему.

— Но выполняешь каждое поручение. Странно, не находишь?

Она оглядела меня, словно я была не человеком, а диковиной вещью на аукционе.

— Он помог моему сыну. Я была его должницей, — она произнесла это так сухо, что я невольно выгнула бровь. Значит, я тоже буду его рабыней? Я на такое не подписывалась.

— Ты сокол? — уточнила я.

— Нет. Я бывшая охотница. Человек.

— Почему бывшая?

— Хватит этих допросов, — в комнату вошел Эдмунд.

Да он в каждую щель пролезет, и разрешения не спросит. Кивком отослал женщину, и та мгновенно скрылась за дверью купальни.

Я громко цокнула, не скрывая раздражения. Конечно, как же без него. Явился — не запылится.

— Что вас связывает с Калобом? — спросил он, скрестив руки на груди и не сводя с меня взгляда.

— А может, хватит допросов? — я вернула ему его же фразу, не меняя позы. Язык мой — враг мой, это я понимаю и без пелены.

— Может и хватит, но я намерен понять суть твоих потерь, а не статус занятости. Отвечай.

— Как мне говорили, он был моим возлюбленным, — я сорвалась на резкий тон, но его это даже не смутило.

— А сейчас?

— А сейчас я его не знаю! Боюсь, ненавижу...

— Значит, испытываешь к нему диаметрально противоположные чувства?

— Да откуда мне знать?! — я резко вскочила с кровати, чувствуя, как внутри всё закипает. — Может, я и тогда его ненавидела, а вела себя так, будто люблю!

— Пелена забвения работает иначе, Рита, — Эдмунд подошел к окну, всматриваясь в темнеющий горизонт. — Тебя нужно возвращать в статус сокола. Срочно.

Если он знает имя Калеба, я ничуть не удивлена, откуда он знает мое. Он мало того, что маг, еще и видит всех насквозь. Если я попрошу его научить меня этому, он сильно мне пошее даст?

— И каким же образом? — уточнила я.

— Лук и стрелы.

— Удивили. Я и так каждый раз учусь заново, и всё тщетно! — я почти кричала. Его холодность доводила меня до иступления. Какой же он маг, если говорит мне тоже самое, что и Саламандры? Дохлый номер.

— Раньше ты была в покое. Теперь ты будешь идти на живца. А если не выйдет... в гроб тебе дорога, Рита.

Я замерла, не веря своим ушам.

— Вы мне угрожаете?

— Отнюдь, — он едва заметно усмехнулся, но его глаза оставались ледяными. — Но если ты не вспомнишь, как сражаться, ты так и останешься никчемным соколом. Самым

бесполезным на этой земле. Доброй ночи.

Он захлопнул дверь, а я так и осталась стоять на месте, как дуреха. Что это за тип? С таким гостеприимством я не удивлюсь, если он живет здесь в абсолютном одиночестве до конца своих дней.

Я медленно развязала шнуровку на комбинезоне и прошла в купальню. Ого, ну и видок! Мраморные полы, стены в тон, огромная ванна... Я словно в сказку попала. Кто бы что ни говорил, а место тут и правда потрясающее. Этот особняк будто специально строили для того, чтобы в нем принимали гостей. А может, он возводил его для своей семьи? Тогда где они все?

Да и девушка эта странная. Бывшая охотница... Такое вообще бывает?

Я задумчиво опустилась в воду, чувствуя, как расслабляются забитые мышцы. Эдмунд — холодный, пугающе прямолинейный... и вдруг такое великолепное поместье. При помощи кого он его воздвиг? И главный вопрос: как он собрался возвращать мне память? Я сокол от рождения, но во мне от этого племени осталось одно название.

— Глупости... — прошептала я, брызгая водой на плечи. — Если уж Саламандры не смогли помочь, то на что способен какой-то маг-отшельник? Я в тупике.

Я закрыла глаза и окунулась под воду с головой, даже не пытаясь задержать дыхание. Тишина. Перед глазами не было ровным счетом ничего, только вязкая, теплая тьма.

«Думай, Рита, просто начни о чем-то вспоминать...»

И я подумала. О тех розах, которые привиделись мне на склоне. На нежных лепестках была кровь. Свежая, пугающе яркая. Чья она? Моя?

Резкая вспышка боли прошила виски. Я начала задыхаться прямо под водой. Я отчаянно дернула руками, но толща воды словно обрела плотность, затягивая меня обратно, на самое дно. Красные глаза. Устрашающий, вкрадчивый шепот, пробирающий до костей.

Я попыталась закричать, но в горле осел плотный ком.

«Перестань думать! Перестань! Хватит! Я схожу с ума!» В ушах зазвенел крик. Чей? Женский? А если нет? Если это не голос...

«Кто ты?» Картинка перед глазами окончательно поплыла. Тень. Еще одна. Третья. Они окружили меня, сжимая кольцо. Я увидела холодный блеск. Что это? Нож? Меч?

Я резко вцепилась в мраморные бортики ванны и рванулась вверх, с шумом выныривая на поверхность. Я жадно, нервно хватала ртом воздух, расплескивая воду по всему полу купальни. Сердце колотилось где-то в горле. Что это, черт возьми, было? И почему вода, которая должна была дарить покой, так настойчиво тянула меня на дно?

Сидеть в четырех стенах, пока там, буквально за перегородкой, твоя девушка... твоя возлюбленная остается один на один с неизвестностью — это было выше моих сил. Тони си-

дел напротив, в сотый раз подбрасывая в руках какую-тку безделушку.

— Тебе тоже не нравится этот тип? — спросил друг, не глядя на меня.

Естественно, он мне не нравился. С первой же секунды, как я увидел его ледяной взгляд.

— Парни, — дверь тихо скрипнула, и в комнату скользнул Тео, тут же заперев её на засов. — Я тут учебник нашёл...

— Решил заняться саморазвитием? Похвально, — перебил я его, пытаясь сбросить напряжение иронией.

— ...и узнал о племени Лисов, — закончил Тео, и я мгновенно подобрался.

Шутки кончились.

— Лисы? Это еще что за зверинец? — я нахмурился, чувствуя, как внутри зашевелилось нехорошее предчувствие.

— После соколов, буквально через несколько лет, был рожден первый Лис, — Тео заговорил быстро, сбиваясь от волнения. — Человек с невероятной ловкостью и смертельным укусом. Говорят, он родился от союза сокола и человека — по-нашему, охотников.

— И к чему ты клонишь? — я скрестил руки на груди, не сводя с него глаз.

— К тому, что у этих Лисов каждую Кровавую луну проходит обряд. Жертвоприношение Сокола, чтобы продлить свой род. Поверье у них такое: если в эту ночь они не прольют кровь Сокола, их племя просто вымрет, — Тео едва пе-

реводил дыхание, его голос дрожал.

Жертвоприношение? Кровавая луна?

Тони резко встал с кресла, безделушка замерла в его кулаке.

— А нам-то это зачем?

— Рита — самый зоркий сокол из всех, кого мы знаем, — Тео подошел ближе, понижая голос до шепота. — Что, если этот Эдмунд на самом деле не лекарь? Что, если он Лис? И нас целенаправленно заманили сюда, чтобы мы добровольно отдали мою сестру в лапы этому сатанисту? Тем более племена соколов и лисов воюют.

Я поджал губы. В голове пазл начал складываться с пугающей четкостью. Слишком уж легко он согласился нам помочь.

— Есть нюанс, — выдохнул я, глядя на запертую дверь. — Мы всё еще здесь. Вряд ли он оставил бы нас в живых, будь она просто жертвой.

— Значит, охотники и лисы заодно, — процедил Тони, с силой отшвыривая брелок в угол. — А Ксандер во главе всей этой своры наверняка не просто так. Выбирает, какую мышь первой толкнуть в мышеловку.

Я поднялся с кровати, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Может, именно эту книгу тогда читал Тони, и именно про лисов было сказано в ней?

— Уже поздно. Идите, попробуйте отоспаться. А завтра мы с ним поговорим. И на этот раз — на моих условиях.

Тео ушел, а вот Тони уходить не собирался. Впрочем, он мне и не мешал — его присутствие давно стало привычным фоном для моих невеселых мыслей.

Два месяца назад мы с Ритой наткнулись на двоих чужеземцев. Они тащили еще теплое тело сокола... и всё это происходило как раз в Кровавую луну. Значит, то было жертвоприношение? Это были Лисы?

— О чем задумался? — спросил Тони, заметив мой отсутствующий взгляд.

— О Лисах... Кажется, я уже встречал их след задолго до того, как узнал их имя.

Я вкратце изложил ему всё, что удалось сопоставить. Охотники тогда твердили о подношении, а тело появилось именно в ту ночь, когда луна налилась багрянцем. Они упоминали вождя. Значит ли это, что у этой нечисти тоже есть свой кровавый главарь? Кости соколов, которые мы сожгли вместе с Ритой... они ведь тоже были частью ритуала. Только какой в этом смысл? Зачем им убивать тех, чья кровь породила их самих? Неужели Лисы настолько захлебываются в собственной зависти к творцам?

Тони слушал внимательно, не перебивая, только желваки на лице заиграли.

— Нужно будет разузнать, кто этот Эдмунд на самом деле, — подал он голос, задумчиво проводя ладонью по волосам. — Вдруг он и есть их вождь, затаившийся в своем особняке? — Может, тогда и Ксандер на него работает? — я поджал

губы, чувствуя, как внутри закипает глухая ярость. — Не хочу клеймить его раньше времени, но слишком уж ладно всё сходится. Он непростой сокол.

Глава 5

— Подъем!

Голос прозвучал как выстрел над самым ухом. Я резко распахнула глаза, сердце испуганной птицей забилося о ребра. Эдмунд ворвался в комнату без стука и прелюдий: одним рывком распахнул тяжелые шторы и швырнул мне на кровать лук.

— Который час? — прохрипела я, щурясь от резкого света.

— Время восстановления. Жду во дворе.

Он вышел так же стремительно, как и вошел. Я поднялась, чувствуя во всем теле свинцовую тяжесть от купания. За окном еще стояла густая синева, но небо на востоке уже начало светлеть, предвещая скорый рассвет. Этот человек вообще когда-нибудь спит?

Когда я вышла во двор, он уже стоял там — неподвижное изваяние в предрассветных сумерках.

— На позицию, — скомандовал Эдмунд, не оборачиваясь.

На земле была жирная меловая черта. Я встала на неё, крепче перехватив лук. Пальцы зябли на холодном дереве.

— Какова цель? — спросила я, оглядывая пустой двор.

— Стреляй, — он скрестил руки на груди, наконец повернувшись ко мне. Его взгляд был абсолютно пустым.

Я опешила.

— Что, простите?

— Стреляй, — повторил он еще более незаинтересованным тоном.

К этому я была не готова.

— В вас?!

— А ты думала, «идти на живца» — это палить по кроликам? — Эдмунд едва заметно усмехнулся. — Этому лесу они еще пригодятся.

Мои глаза округлились. Такого безумия я не ожидала даже от него.

— Я не буду в вас стрелять! Вы живой человек!

Эдмунд спокойно поправил манжеты своей рубашки, демонстративно не глядя в мою сторону.

— Впрочем, чего еще я мог ожидать от бесполезного сокола?

Пальцы на луке непроизвольно сжались. Он говорит так, будто я сама полезла в эту пелену.

— Не смейте... Я не виновата, что потеряла память и навыки!

— Навыки нельзя потерять из-за Пелены, — отрезал он. — Ты просто трусишь. Раз так — я тебя больше не держу. Собирай своих дружков и проваливай на все четыре стороны.

Он развернулся, собираясь уйти.

— Вы серьезно?! — сорвалась я на крик. — Какой же вы

великий маг, если даже не способны помочь?!

— Самый лучший, — он обернулся через плечо, и на его губах заиграла ядовитая улыбка. — В отличие от тебя. Дешевая птица со сломанными крыльями...

Внутри меня что-то лопнуло. Горячая волна ярости вытеснила страх. Руки сами потянулись к колчану. Зрение внезапно стало невероятно острым, мир вокруг сузился до одной точки.

Я действовала механически, как отлаженный механизм.

Прицел — точно в его затылок.

Задержка дыхания.

Время замедлилось.

Выпуск!

Стрела с хищным свистом рванула в цель, рассекая утренний туман. Она должна была войти точно в основание черепа, но...

Эдмунд молниеносно развернулся. Его ладонь метнулась вверх, перехватывая древко всего в паре сантиметров от собственного глаза. Оперение стрелы еще подрагивало от бешеной скорости.

Я застыла, не в силах выдохнуть. Сердце колотилось где-то в горле. Я не хотела этого делать, и у меня не было цели убивать его. Я не специально, правда!

— Неплохо, — он небрежно отбросил стрелу в сторону и снова посмотрел на меня. В его глазах вспыхнул опасный азарт. — Попробуй еще раз.

— Как вы... это сделали? — еле шевеля губами, выдохнула я. Шок сковал челюсть.

— Опыт. Еще раз. Стреляй в глаз.

Он снова встал на позицию, невозмутимый, как гранитная скала. Да он просто сумасшедший!

— Почему я должна стрелять в вас, когда можно... выстрелить в дерево, например? — я кивнула на сосну в паре метров от него.

— А когда на тебя будут нападать, ты тоже будешь палить по деревьям?

— Как это связано с моей памятью?! Вы будто к войне меня готовите!

— Так и есть.

Эдмунд начал медленно обходить меня по кругу. Тяжело, вкрадчиво, как волк, выслеживающий добычу.

— Если ты думаешь, что восстановление памяти — это просто картинки в голове, ты глубоко заблуждаешься. Ты должна вспомнить всё: как была, как страдала, как уничтожала. Твоя задача — стать быстрее меня.

— А если я вас убью? — голос дрогнул.

— Тогда ты станешь лучшей.

Я замерла, стараясь выровнять дыхание. Слух обострился до предела, ловя каждый шорох его шагов за спиной. Два шага дистанции. Обход по часовой стрелке, забирает левее моего плеча...

Я резко вскинула лук. Зрение мгновенно сработало на

зум, отсекая всё лишнее.

Натяжение тетивы до боли в пальцах.

Прицел — точно в его зрачок.

Задержка дыхания.

Выпуск!

В момент выстрела Эдмунд прикрыл глаза, а на его губах промелькнула странная, почти блаженная улыбка.

Нет! Неужели я... убила его?!

Но в последнюю долю секунды он резко опустился на одно колено. Стрела с хищным свистом прошла в миллиметре от его виска и с глухим стуком вонзилась глубоко в кору дерева за его спиной.

— Хорошо, — он поднялся, отряхивая колено. В голосе не было и тени страха. — Думаю, в следующий раз ты станешь чуть смелее.

— Следующий раз? — переспросила я, опуская лук. Руки предательски задрожали. — Это что... всё?

— Да. У меня дела.

Какие у него могут быть дела посреди, мать его, леса?

— Нет, ну это уже наглая выходка! Взять и свалить посреди занятия... Куда он вечно так спешит? — я в сердцах пнула мелкий камень, провожая взглядом спину Эдмунда.

— Псс! Рита! — из-за угла ближайшей пристройки высунулся Тео и отчаянно замахал рукой.

— Что еще? — я подошла к нему, всё еще не отойдя от обстрела.

— Идем со мной. Погавкать надо.

— Я тебе собака, что ли? — я нахмурилась, но послушно последовала за ним.

— Нет, но обсуждать мы будем как раз семейство псовых.

Он цепко взял меня за руку и повел в противоположное крыло, где временно обосновались парни. Они явно что-то нашли без моего ведома и теперь благородно будут делиться этим со мной. Круто, только как мне это поможет в жизнь? Боги, я начала говорить как он. Мужчина плохо на меня влияет.

Когда мы вошли внутрь, я увидела Тони и Калеба — они сидели у окна с такими лицами, будто планировали государственное переворот.

— Может, объясните, что происходит? — я выгнула бровь и рухнула в старое кресло с дорожкой обивкой. Я буду продолжать твердить, что он неприлично богат.

— У тебя есть задание, — начал Калеб, не сводя с меня взгляда. — Тео выведал, что существует еще одно племя: Лисы. И у нас есть все основания полагать, что этот Эдмунд — один из них.

Внутри меня что-то неприятно екнуло. После их рассказа о Кровавой луне по спине пробежал холодок. У нас верили, что в эту ночь открываются врата в мир мертвых, и это время восстания усопших. А для Лисов Сокол — лишь разменная монета, жертва, которую нужно бросить в огонь, чтобы смерть не забрала их собственные души.

— Я вообще удивляюсь, как вы, Соколы, дожили до нашего времени, — Тони качнул головой, в его голосе прозвучало сочувствие. — Серьезно, на вас охотятся все вокруг. Мы вас вырезали, пока не помирились, теперь вот Лисы вылезли...

Да я сама удивлена, как еще живу на этом свете, а не катаюсь в раю на крылатых собаках-ангелочках.

— Что мне нужно делать? — я подалась вперед, сжимая подлокотники кресла.

— Тебе нужно заглянуть в его кабинет, — Тео протянул мне старый, потрепанный учебник. — У каждого Лиса есть амулет: «огненный хвост». Обычно его делают из особого угля или...

— Из угля? — Тони усмехнулся, перебивая брата. — Не шибко-то они богаты, я смотрю.

— ...или из костей Соколов, — закончил Тео. — Из наших костей. Каждую Кровавую луну они освежевывают новую жертву, забирают кости и вырезают из них обереги.

— А если он носит его с собой? — мой голос прозвучал глухо. Я всерьез испугалась.

— Тогда будем искать другой способ. Нам в его покои не пробраться — нас засекут еще в коридоре. А вот ты — ученица, которой позволено ходить по всему поместью. Тебе будет проще всё устроить, — ответил Калёб.

Тео положил ладонь мне на плечо, его пальцы слегка дрожали.

— Только будь осторожна. Черт знает, на что способен

этот Эдмунд...

— Разве он не Сокол? — уточнил Тони. — Нам же так сказали. Тот старик.

— Он мог наплести любую херню, лишь бы отвести подозрения. Знаешь, в чем ваше главное отличие от нас? — спросил Тео, глядя на Тони. — Оборотни не пахнут зверем. Я ваш *запах табака на розовом поле* за километр чую.

— Так вот как вы нас палите... — Тони задумчиво потер переносицу.

— Именно. Думаю, у Лисов должен быть похожий след. Принюхайся к нему, Рита. Запах не обманешь.

— Нет, это вряд ли... — отозвалась я, качнув головой. — Оборотни пахнут чем-то дорогим, я заметила. От вас не несет хорошим табаком. А от него не пахнет вообще ничем. Пустота.

— Ладно... тогда план прежний: нужно найти оберег, — выдохнул Калеб и сделал шаг ко мне.

Я инстинктивно отпрянула, не поднимая глаз.

— Рита...

— Нет, Калеб. Не сейчас.

— А когда?

— Мне нужно идти, пока Эдмунда нет в покоях.

Я резко вышла, почти выбежала из комнаты. Боги, я боюсь его как саму смерть. Но почему? Тони — такой же оборотень, опасный хищник, но рядом с ним я спокойна. Эдмунд сказал, что Пелена работает в обратную сторону... Что, если

я действительно так сильно любила Калеба, что теперь магия превратила это доверие в ледяной ужас и ненависть?

Комната Эдмунда была через дверь от моей. Замка не оказалось, а тяжелая створка была предательски приоткрыта. Заглянув в щель и убедившись, что в коридоре пусто, я скользнула внутрь.

Всё выглядело до странного прилично: кровать, высокое зеркало, луки...

Луки? Зачем ему столько?

Я насчитала восемь штук. Парни говорили, что Лисы не признают оружия — они заговаривают зубы нежным голосом и заманивают жертву в петлю красноречием. Может, Эдмунд так и сделал? Хотя язык у него поострее моего клинка на поясе.

Я подошла к столу. На нем не было абсолютно ничего, даже ящиков. Голая поверхность и одинокий подсвечник. Другой шкаф оказался чуть более обжитым: пачки бумаг и ряды книг. Любишь классику? Похвально. Но я пришла не за этим.

— Думай, Рита... думай... — прошептала я, лихорадочно оглядывая углы. — Где бы ты спрятала самое важное?

Взгляд зацепился за зеркало. Оно висело как-то... неправильно. Очень плотно к стене.

Отодвинуть тяжелую раму стоило немалых усилий, но за ней обнаружилась ниша. Дыра в стене. Я потянулась внутрь, но замереть меня заставил звук из коридора. Звонкие, чет-

кие шаги.

Бляха муха!

Времени на раздумья не было. Я рванула к тяжелым шторам у окна, забилась в складки ткани и замерла на цыпочках, стараясь не дышать. Только бы не свалиться, только бы не выдать себя дрожью!

Дверь распахнулась. Я не видела его, но кожей чувствовала, как в комнату вливается холод.

«Дура! Как я теперь выберусь?» — пульсировало в висках.

Шаги проследовали вглубь комнаты и затихли у зеркала. Сердце пропустило удар. В порыве паники я забыла вернуть его на место!

— Интересно... — негромко произнес Эдмунд. Скрипнула рама — он медленно возвращал зеркало в исходное положение.

Я зажмурилась, молясь всем богам.

— Господин... — раздался робкий голос от двери.

— Сюда кто-нибудь заходил, пока меня не было? — голос Эдмунда был ровным.

— Нет... я не видела.

— «Не видела» и «не было» — это разные вещи, Нора.

Из-за меня сейчас втык получает ни в чем не повинная служанка. Но если я выйду сейчас — мне конец.

— Простите, господин. Я правда никого не видела.

— Зачем пришла?

— Господин Рафаил прислал письмо.

— Оставь на столе и можешь идти.

Он что, решил остаться здесь?! А если он подойдет к окну? Пальцы на ногах окончательно затекли, икры сводило судорогой. Я больше не могла контролировать тело. Перед глазами всё поплыло.

Нет, только не сейчас!

Внезапно накатило дежавю. Гнетущая темнота, боль в каждой мышце, перехваченное дыхание... Холодный пот градом покатился по лицу. Картинка из прошлого вспыхнула в мозгу ослепительным светом, заставив меня судорожно сжать кулаки.

Только не падай, Рита. Только не падай...

Но я держалась. Черт бы его побрал, во что я ввязалась?

Послышался скрип — он сел. Судя по звуку, не на мягкую кровать, а в тяжелое кресло у зеркала. В комнате повисла тишина.

Сколько я так простояла — вечность или пару минут — я не поняла. Время в этой засаде растянулось, как расплавленная смола. Ощущение, будто я пропустила момент, когда он вышел, хотя я точно знала: дверь не хлопала.

Набравшись смелости, которой у меня отродясь не было, я едва заметно отодвинула шторку. В мгновение зрачки сфокусировались — «соколиный глаз» сработал инстинктивно.

Эдмунд сидел в кресле, прикрыв глаза. Уснул?

А если это ловушка?

Думать некогда. Либо вали сейчас, либо рухнешь в обморок прямо здесь.

Я аккуратно, по сантиметру, сделала шаг обратно в комнату. «Будь тише мыши, Рита! Просто будь...» Прокравшись к столу, я заметила то самое письмо. Рафаил... Кто это? Печать была простой: ни гербов, ни иероглифов, чистый воск.

— Давно ты тут?

Я замерла. Штирлиц еще никогда не был так близок к провалу!

— Я... только пришла, — слова давались с трудом, язык еле ворочался. — Хотела спросить, когда следующее занятие. И когда вы начнете меня лечить... но вы спали...

Я медленно обернулась к нему, стараясь унять дрожь в руках.

— Ты уже лечишься, — Эдмунд поднялся, не сводя с меня глаз. — Просто пока этого не видишь.

Он подошел к столу и взял письмо. Только сейчас, в полосу света, я разглядела его левое запястье. Рукав рубашки задрался, обнажая метку. До боли знакомую метку. Я невольно прищурилась.

— Я Сокол, — бросил он, вскрывая конверт.

Я опешила:

— Что?

Мужчина перевел на меня взгляд.

— Ты смотришь на клеймо. Я отвечаю: я — Сокол. Лисы не носят на себе никаких знаков, у них от природы не бывает

даже родимых пятен.

— То есть... Вы знали, зачем я пришла? — во рту пересохло.

— Сложно не заметить пропавшую книгу в библиотеке, когда помнишь расположение каждого фолианта наизусть. Зачем тебе Лисы, Рита?

Эдмунд отошел к окну, пробегая глазами строки письма.

— Я думала, вы один из них. Завлекли меня в это поместье, чтобы потом, в Кровавую луну, принести в жертву...

— Стоп, — он резко повернулся ко мне. — А вот тут уже не сходится.

— Что именно?

— Лисов можно определить по одному-единственному признаку. Зрачки.

— А что с ними не так? — я нахмурилась.

— Их нет. Есть цвет радужки, но нет самого зрачка. Так и узнаешь Лиса, если встретишь. Ты закончила?

Я кивнула, но всё еще не могла оторвать взгляда от его рук. Но некоторые вопросы еще преследовали меня.

— Вы были Соколом... точнее, вы и есть Сокол. Но почему вы живете здесь? В такой глуши, подальше от своих?

— Я дал обещание. Теперь можешь идти.

Он не дал мне вставить ни слова, скрывшись за дверью смежной комнаты. Обещание? Неужели наши когда-то изгнали его? Или он совершил нечто такое, за что приходится платить одиночеством? Одно я знала точно: это самый зага-

дочный Сокол, которого я когда-либо встречала.

— На левом запястье? — Тео задумчиво нахмурился. — Он врет. Мы все носим клеймо на правой.

— Не скажи... — я подняла глаза, всматриваясь в пустоту. — Мне мама когда-то давала книгу о Соколах. Там было сказано, что на левой руке, ближе к сердцу, метку носили только... Первородные.

Тони и Кaleb синхронно вскинули головы.

— Это сколько же ему лет? — Тони помрачнел. — Если Соколы существуют уже два века... ему больше двухсот?

— Путник сказал, что ему «больше ста», — Тео закатил глаза.

— «Больше ста» может означать и пятьсот, — отрезал Кaleb. — Оборотни тоже живут долго, но наших Первородных вырезали еще во время великого мятежа. Мама рассказывала, что охотники буквально разорвали стаю...

— Мы так и не нашли твою мать... — тихо выдохнул Тео, глядя на друга. Кaleb поджал губы.

— Найдём. Рано или поздно. Она оборотень, а их смерть ничего не дает ни охотникам, ни Лисам. Зачем она им?

— Веря... — прошептала я, зажмурившись так сильно, что перед глазами поплыли пятна.

Девушка... нет, женщина с молодыми чертами лица. Нежными, как у ангела. Я видела ее глаза, но они были другими. Не как у Калеба. Голова пошла кругом. Ее образ, только что

ворвавшийся в голову, снова испарился.

— Что? — Калёб резко вскочил. — Ты вспомнила?!

Я бессильно покачала головой.

— Нет, я... я не знаю, откуда взялось это имя! Оно просто вертится на языке!

Я сорвалась с места, выбегая из комнаты. Меня это бесило до дрожи в пальцах. Имена, обрывки, тени — они всплывали спонтанно, мучая меня, но не давая ответов.

— Рита... — Калёб перехватил меня за локоть в коридоре, заставляя остановиться. — Хватит убегать.

— А что мне делать? В ноги тебе упасть, оборотень? — процедила я.

— Можно хотя бы просто поговорить.

Просто поговорить. Хах. Знал бы он, как я его боюсь, а от этого ненавижу, давно бы сбежал, виляя хвостом.

— Идем.

Он повел меня к выходу из поместья, не дожидаясь согласия. Внутри меня были две личности: одна отчаянно хотела ему верить, а вторая — перерезать горло. И вторая пока вела в счете.

— Послушай, я знаю, как это звучит, и знаю, что тебе сейчас паршиво... — Калёб остановился на каменных ступенях крыльца. — Но я правда хочу помочь. Я никогда и никого не любил так, как тебя.

— И что мне с этого, Калёб? Что?! Я не помню наших чувств, я не помню НАС!

По спине внезапно прошел резкий холод, который тут же сменился волной густого, обволакивающего тепла. Словно меня укрыли чем-то мягким... пушистым.

— Рита? — Кaleb шагнул ко мне, заметив, как я оцепенела. — Ты в порядке?

— Я почувствовала... что-то странное.

— Опиши.

— Будто теплое одеяло. Или мех. Очень знакомый мех.

Кaleb задержал дыхание и на мгновение отвел взгляд. Я снова сказала что-то не то? Пора бы мне заткнуться.

— Если я сейчас кое-что сделаю... ты не сбежишь?

— Опять будешь гоняться за мной в шкуре волка?

— Доверься мне. Сядь.

Я замолчала, борясь с желанием уйти. Всё же опустилась на ступеньки, поджав колени к груди. Знакомая черная дымка окутала альбиноса, и через секунду передо мной снова стоял огромный белый зверь. Сердце подскочило к самому горлу. Я не могла отвести глаз.

— В глаза настоящему волку лучше не смотреть, — слышался усмехающийся голос Калеба.

Волк подошел вплотную. Я хотела отпрянуть, но мех коснулся моей руки сквозь одежду, и я замерла. Это было то самое тепло. То самое спасение.

— Так это был ты... — прошептала я.

— Тебя тогда прошило стрелой насквозь. Я был рядом. Я забирал твою боль себе... вот так, — он начал медленно

ходить кругом, задевая меня пушистым боком.

— Я не помню момента... но я вспомнила это ощущение,
— я закрыла глаза, отдаваясь этому чувству безопасности.
— Скоро ты вспомнишь всё, обещаю.

Мои веки стали невыносимо тяжелыми, и я начала медленно погружаться в сон, согреваемая дыханием зверя.

Она заснула почти мгновенно. Я тут же вернул себе человеческий облик, осторожно переложив её голову к себе на колени. Спустя столько месяцев я наконец ощутил её рядом — не кричащую от ужаса, не убегаящую, а тихую и беззащитную.

— Лучше перенеси её в дом, иначе заболит, — раздался за спиной голос Эдмунда. Я резко обернулся. — С полей идет ледяной ветер.

— Почему вы помогаете? — я не скрывал подозрения.

— А как иначе? — он пожал плечами, глядя куда-то вдаль. — Меня просят — я выполняю.

— Но вы не взяли с нас ни гроша...

— Отшельнику они вряд ли пригодятся.

Я молча подхватил Риту на руки, прижав её голову к своему плечу. Она была легкой, но в моих руках сейчас покоился весь мой мир.

— Дождитесь меня. Нам нужно поговорить, — бросил я, прежде чем войти в поместье.

Внутри факелы лениво разгоняли мрак, бросая длинные

тени на стены. На моих руках спал Сокол — когда-то ненавистный мне враг, а теперь единственная причина дышать. Я уложил её на кровать, бережно укутывая одеялом. Её брови нахмурились, между ними пролегла складка.

— Даже во сне с кем-то борешься... — шепотом усмехнулся я и, не оборачиваясь, вышел из комнаты.

Эдмунд действительно ждал. Он сидел на ступенях крыльца, глядя на темную кромку леса. Я сел рядом, не глядя на него.

— Вы Первородный Сокол, так ведь? — спросил я в лоб.

— А что тебе даст мой ответ?

— Я просто хочу знать правду. Ответьте.

Он помолчал, разглядывая свои ладони.

— Я был вождем Соколов в свое время. Когда наше племя только начинало рождаться.

— Вы были первым из них?

— Да. Мои родители были обычными людьми... такими же, как и у Первородного Лиса. Только связь между соколом и человеком дало такой результат. Лисы же очень похожи на нас, хотя бы даром убеждения.

— И где они сейчас? Ваши родители...

— Умерли, разумеется, — он коротко, невесело усмехнулся. — Годы взяли свое. А я... бессмертный.

— Не всем дано такое бремя, — я сжал кулаки. — Но почему вы стали отшельником?

— Тебе не кажется, что ты задаешь слишком много во-

просов, вожак? — Эдмунд повернул ко мне голову.

— Как мы можем вам доверять? Вы не говорите почти ничего.

— А я и не просил вашего доверия. Моя задача — вылечить девчонку и отправить вас восвояси.

— А меня вы откуда узнали? Я стал вождем не так давно. Эдмунд подпер голову ладонью, в его позе сквозила скука.

— Рассказали.

Моё терпение лопнуло. Рывком я подался вперед, хватая его за ворот рубахи и дергая на себя. Мои пальцы впились в ткань, я чувствовал его спокойное дыхание.

— Хватит! Говорите всё, что знаете, иначе...

— Убьешь? — он даже не моргнул.

— Мне ничего не стоит это сделать прямо сейчас.

— И как же ты потом посмотришь в глаза своей любимой? — его голос стал тихим и ядовитым. — А матери?

Сердце пропустило удар, а в легких стало тесно.

— Не смейте говорить о них! Вы ничего о нас не знаете!

— Знаю гораздо больше, чем говорю.

Эдмунд одним резким движением вырвал свою рубаху из моих пальцев. Спокойно поправил воротник, поднялся со ступени и, не оборачиваясь, пошел к дверям.

Этот козел просто издевался надо мной. И я был намерен выяснить, какую еще грязь он скрывает за своим высокомерием.

— Вы ответите мне на этот чертов вопрос! — грубо бро-

сил я, рывком поднимаясь на ноги.

Мужчина замер в дверном проеме, даже не обернувшись.

— Я не обязан отчитываться перед тобой в том, что касается моей личной жизни, Калеб.

— Да откуда вы вообще меня знаете?! — я шагнул к нему вплотную, заставляя встретиться со мной взглядом. — Вы скрываете слишком много. Слишком.

— И что тебе даст правда обо мне? — в его голосе проскользнула бесконечная усталость.

— Я не знаю... просто... — я в изнеможении прислонился лбом к холодному косяку. — Вы кажетесь мне знакомым. До безумия. Будто я уже видел вас когда-то...

— Гуляя по лесу, можно встретить любого путника, — Эдмунд безразлично пожал плечами, собираясь уйти.

Но это было не то. Это не была случайная встреча на тропе. Внутри меня билось отчетливое ощущение, что я знал его еще ребенком. Когда мир был проще, а мама была рядом.

— Вы бывали в поселении оборотней? — я затаил дыхание. — Скажем... лет двадцать назад?

Он замер. На долю секунды его маска ледяного безразличия треснула. Я почувствовал, как пробиваю его барьер.

— Может быть, и был, — глухо отозвался он.

— Хватит говорить загадками! — взорвался я. — Вы лечите мою девушку, черт знает как, вы приютили нас, но информации о вас — как мозгов у лиса!

Эдмунд вдруг негромко рассмеялся, уводя взгляд в сто-

рону, в густую темноту двора.

— Тебе эта информация не понравится, вожак.

— Мне решать! — я перегородил ему дорогу, когда он в очередной раз попытался ускользнуть внутрь.

— Характер... точь-в-точь как у твоей матери, — произнес он, и мир вокруг меня на мгновение застыл.

Я остолбенел. Горло перехватило.

— Вы... вы её знали?

— Дай мне пройти, оборотень. Не доводи до греха, — в его голосе впервые лязгнула настоящая сталь.

Я уже открыл рот, чтобы выбить из него правду, как в коридоре показался Тони. Черт! Слишком поздно.

— Калерб, ты долго еще на улице торчать собрался?

Тони замер, переводя взгляд с меня на Эдмунда и чувствуя вибрирующее в воздухе напряжение.

— Разговор окончен, — отрезал Эдмунд. Он прошел мимо нас, скрываясь в глубине поместья. Я провожал его спину взглядом, в котором ярость смешивалась с полным непониманием.

— Удалось что-то выяснить? — Тони подошел ближе, кладя руку мне на плечо.

— Он что-то скрывает, — я сжал челюсти так, что зубы скрипнули. — И это что-то очень серьезное.

Глава 6

Я снова сидела в этом проклятом полупустом зале, где, кроме пары кресел и камина, не было ни черта. Пустота комнат давила на меня так же сильно, как и пустота в голове.

— Давно ждешь меня? — спросил Эдмунд, входя внутрь.

— Достаточно, — я подняла на него тяжелый взгляд. — Скажите, сколько еще нужно времени, чтобы я наконец-то хоть что-то вспомнила?

— Ты куда-то торопишься, Рита?

— Нет... кажется, я просто застряла на месте. Больше никуда не бегу, — я отвела взгляд, чувствуя, как внутри закипает глухая злость.

Тишину зала взорвал грохот двери. Внутрь ворвался Калейб. Вид у него был такой, будто он собрался объявить войну всему миру.

— Я буду сегодня с ней, — отрезал альбинос, скрещивая руки на груди.

Я округлила глаза от такой наглости.

— С чего бы? Лучше уж пусть Тео будет рядом, а не ты.

— А я тебя не спрашивал, — грубо бросил он.

Я медленно встала, чувствуя, как по венам разливается жар. Один шаг к нему. Только один.

— Ты переходишь черту, волк.

Калеб не отступил. Наоборот — сделал шаг навстречу, нависая надо мной.

— Ой ли? Если я переживаю за твою сущность, Сокол, это уже говорит о многом. Я буду ходить за тобой по пятам. Хоть на тренировки, хоть в сам ад.

— Куда я тебя сейчас и отправлю!

Моя рука сама нащупала тяжелый керамический кувшин. Мне было плевать, из чего он сделан и сколько стоит. Резкий замах — и сосуд с глухим звоном разлетается о голову альбиноса. Да, мне было страшно! До дрожи в ногах! Но он растоптал все границы, которые я пыталась выстроить!

— Неплохо, — он медленно поднял на меня голову. По бледному лицу, пересекая бровь, заструилась густая алая кровь.

Он попытался перехватить мою руку, но я отдернула её, словно от раскаленного железа. В Калеба тут же полетел стакан. Один. Второй. Осколки со звоном рассыпались по полу, впиваясь в ковер.

— Хватит лезть ко мне! — сорвалась я на крик, и меня понесло.

В ход пошли подушки с кресел — они летели в него мягкими снарядами. Какая-то увесистая статуэтка, подвернувшаяся под руку, прилетела ему точно в солнечное сплетение. Калеб только охнул, но остался стоять.

Я уже присматривалась к массивному креслу, прикидывая, хватит ли у меня сил его поднять, но вовремя осеклась,

наткнувшись на абсолютно невозмутимый взгляд Эдмунда. Он наблюдал за погромом так, будто это была театральная пьеса.

В зал ворвались перепуганные Тони и Тео. Они застыли в дверях, глядя на меня — взлохмаченную, с подушкой на перевес и нависшую над креслом — и на Калеба, стоящего среди битого стекла в луже крови.

— А что... случилось? — недоуменно выдавил Тео.

— Она сейчас по шее всем направо и налево даст. Вы бойтесь, ребят, я предупредил, — меланхолично отозвался Эдмунд, едва сдерживая ехидную улыбку.

Столько пар глаз на меня еще никогда не смотрело.

Да и плевать!

Я с размаху запустила последнюю подушку Калебу прямо в окровавленную физиономию и пулей вылетела из зала, напоследок так хлопнув дверью, что, кажется, со стен посыпалась штукатурка.

Эдмунд сделал шаг ко мне, вглядываясь в мое лицо с таким видом, будто изучал редкий вид ископаемого. А я... я улыбался. Глупо, широко и, наверное, совершенно безумно.

— Кажется, тебя всё-таки контузило кувшином, — Эдмунд скептически выгнул бровь, глядя на то, как алая капля срывается с моего подбородка.

— Я так её люблю... — хмыкнул я, не в силах стереть эту идиотскую ухмылку.

Мне было плевать на пульсирующую боль в виске и на то, что в солнечном сплетении всё еще горело от удара статуэт-ки. Впервые за эти бесконечные недели она проявила ко мне хоть что-то, кроме парализующего страха. Она злилась. Она являла. Она была живой.

— Тебе точно помощь не нужна? — Тони подошел ближе, с опаской заглядывая мне в глаза. — Ты пугаешь меня, друг.

— Плевать... — выдохнул я в пустоту зала, всё еще чув-ствуя в воздухе запах её гнева.

Эдмунд долго раздумывать не стал. Он не спеша взял со стола уцелевший стакан — один из тех, что Рита в пылу сра-жения не успела запустить в меня, — и резким движением плеснул содержимым мне прямо в лицо.

Ледяная влага ударила в глаза, мигот сбивая эйфорию.

— Какого черта?! — я тряхнул головой, отплевываясь.

— Настойка розы. Твоя рана заживет быстрее, чем ты успеешь до неё дотронуться, — мужчина невозмутимо раз-вернулся и опустился в кресло, которое Рита так и не реши-лась поднять.

— Спасибо... — буркнул я, вытирая лицо рукавом. Кожу начало приятно покалывать — магия роз начала свою рабо-ту.

Тони дернул меня за руку, возвращая в реальность:

— За Ритой пойдешь? Или дашь ей время остыть?

— Нет. Пойду я, — вклинился Тео, потирая переносицу.

— Или пусть она побудет одна... если, конечно, в её комнате

еще осталось что-то целое, что можно разнести.

Словно в подтверждение его слов, за стеной — где-то в глубине коридора — раздался оглушительный грохот падающей мебели.

— Такого цирка в моем поместье отродясь не было, — Эдмунд поджал губы, но через секунду не выдержал и коротко, хрипло рассмеялся. — Кажется, Соколы решили провести у меня генеральную перепланировку.

Глава 7

Перед глазами плыли рваные картинки. Я чувствовала, как медленно схожу с ума.

Меня трясло, и я не понимала, что со мной происходит. В голове роились обрывки моментов, но ни лиц, ни звуков я не могла распознать — всё тонуло в сером мареве.

С яростным криком я отшвырнула от себя учебник. Книга глухо хлопнула об пол. Я закрыла лицо руками, чувствуя, как внутри разрастается ледяная пустота. Безысходность. Полная, абсолютная безысходность.

— Ты в порядке? — тихий, едва различимый шепот Калеба над самым ухом.

— Нет! — я резко вскинула голову, глядя на него воспаленными глазами. — Я не в порядке! Я схожу с ума, Калеб! Эта Пелена высасывает из меня все силы, всю душу, всю жизнь! Я не помню, кем была... я не знаю, кто я сейчас. Я потерялась в собственной голове.

Он опустился на одно колено передо мной, накрыв мои дрожащие ладони своими. Его руки были теплыми, надежными — единственное, что удерживало меня в реальности. И его я била? Или прибило его так, что он стал добрее?

— Я не оставлю тебя, даже когда весь мир рухнет, слышишь? Мы найдем выход.

— Да как?! Если даже этот великий маг не справляется... Он учит меня, заставляет стрелять, и в эти секунды я будто что-то хватаю за хвост, но тщетно. Кроме Пелены — ничего. Чертова серая стена!

— Значит, я найду способ пробить эту стену, — Калев вдруг замер, его взгляд стал острым. — Рита, Эдмунд ведь Сокол, так?

— Ну? — я непонимающе нахмурилась.

— Соколы умеют работать с разумом. Что, если попробовать что-то вроде гипноза? Погрузить тебя глубже?

Я задумалась. Идея казалась логичной, но внутри шевельнулось сомнение. Если Эдмунд — такой могущественный Первородный, почему он сам не предложил это? В чем его проблема? Почему он предпочитает мучить меня уроками стрельбы вместо того, чтобы просто открыть нужную «дверь» в моей памяти?

Я снова зажмурилась. Очередная вспышка, яркая и болезненная. Кровь. Чья-то рваная рана. Голоса звучат так, будто мне заложило уши ватой... Вспышка. Крик. Огненное тепло, сменяющееся смертельным морозом. Боль в груди, от которой перехватывает дыхание. Лихорадочный жар...

Я резко распахнула глаза, хватая ртом воздух. Тело обдало жаром и холодом в одночасье. Я осознала, что сползла с кресла и теперь полулежу на руках у Калеба. Он крепко держал мою голову, и я видела, как ходят желваки на его скулах.

— Я не могу больше на это смотреть... — прошептал он,

почти невесомо целуя меня в макушку.

— И что ты предлагаешь? — мой голос сорвался на хрип.

Он бережно усадил меня, прислонив спиной к креслу, и резко поднялся. Он направился к выходу.

— Куда ты?! Почему я вечно должна догадываться, что вы творите за моей спиной?! — крикнула я ему вслед, чувствуя, как к горлу подкатывают слезы.

Но Кaleb не остановился. Он рывком распахнул тяжелые двери, так что те ударились о стены, и его голос, усиленный волчьей мощью, разнесся по всему поместью:

— Эдмунд! Черт бы тебя побрал! Я больше не буду тебя доставать вопросами! Просто помоги ей!

Что он творит? «Доставать»? Я окончательно перестала что-либо понимать, но и сидеть сложа руки больше не могла.

Эдмунд возник в дверях внезапно. Его лицо, как и всегда, оставалось маской ледяного безразличия. Он несколько секунд молча сверлил взглядом Калеба, а затем перевел свои странные глаза на меня.

Я замерла, не в силах пошевелиться.

Мужчина медленно достал из-за пояса кинжал и направился прямым ко мне.

Кaleb среагировал мгновенно — рванул наперерез и стальной хваткой вцепился Эдмунду в плечо.

— Я просил помочь, а не резать её! — прорычал вожак.

Эдмунд взглянул на него сверху вниз, всё так же спокойно сжимая рукоять ножа.

— Руки убери.

— Что вы собрались делать? Убить её?! Это не выход!

— Хочешь, чтобы я помог? Тогда сядь в угол и молчи.

Эдмунд высвободил плечо и подошел ко мне вплотную. Я видела, как Кaleb сжал кулаки так, что побелели костяшки, не сводя с мага бешеного взгляда.

— Вытяни ладонь, — приказал Эдмунд.

Я тяжело сглотнула, задерживая дыхание. Сердце колотилось в самом горле. Что он задумал? Вскрыть мне вены?

— Зачем? — мой шепот был едва слышен.

Сокол опустился на корточки, оказываясь со мной на одном уровне.

— Ты хочешь, чтобы я помог? — спросил он, и в этот момент я впервые почувствовала в его голосе странную, непривычную мягкость.

— Хочу...

— Тогда дай мне руку с клеймом.

Не дожидаясь, пока я подчинюсь, он резким движением рассек собственное запястье. Кровь брызнула моментально, стекая густыми каплями по бледной коже. Разрез прошел точно посередине выжженного пера.

Неужели он сделает это и со мной?

Страх парализовал волю, мне хотелось забиться в угол и расплакаться, как маленькой девочке. Но я, повинувшись какому-то древнему инстинкту, всё же протянула ему руку.

Эдмунд одним выверенным движением рассек моё клей-

мо прямо над веной. Я до боли сжала зубы, подавляя вскрик.
— Смотри мне в глаза.

Он плотно прижал свою рану к моей, смешивая нашу кровь в единый поток.

Мир вокруг поплыл. Пелена снова начала застилать зрение, но я заставила себя не отворачиваться, встречаясь с ним взглядом.

— Вспомни этот день, Рита. Вспомни момент, когда ты потеряла себя.

Дыхание перехватило. В легких будто за клубился едкий, горький дым, выжигая кислород. Эдмунд смотрел на меня так, словно его взгляд прожигал черепную коробку, проникая в самые темные уголки сознания.

Пелена накрыла меня с головой, утягивая в бездну.

Я снова там. На том самом месте.

Что я делаю?

Стреляю... лесные тени, свист стрел. Это Охотники! Я вижу их повязки на глазах.

Куда я бегу? За кем?

Кто это там, впереди...

Верея!

Я увидела её. Кто-то грубо тащил её прочь, и я бросилась на помощь, не думая о последствиях. Но тут... эти глаза.

— Ты забудешь всё, что было здесь... и всё, что было с тобой, — вкрадчивый шепот прямо в моем мозгу.

Кроваво-красные глаза. Это не Сокол — у нашего племе-

ни магия убеждения не меняет зрение. Кто он такой?!

Я вижу искаженное ужасом лицо Вереи. Она плачет... и в этот миг я начинаю забывать. Его лицо... я видела его впервые. Нет, не лицо. На нем была маска. Тяжелая, черная. И длинный черный шарф, развевающийся на ветру.

— Верея... — выдохнула я сквозь серый туман Пелены.

— Что?! — резкий голос Калеба вырвал меня из транса.

Я судорожно вздохнула, приходя в себя, и резко отдернула руку. Рана на запястье еще пульсировала жаром, а перед глазами всё еще стояло лицо женщины в окружении теней.

— Я видела... я бежала к Верее! — слова путались, я никак не могла унять дрожь. — Кто-то тащил её. Я хотела помочь, почти догнала, но он... этот человек... Он приказал мне забыть всё! Его глаза... они изменились! Он не Сокол, Кaleb! Но у него был дар убеждения, такой мощный, что воля просто рассыпалась...

— Первородный Лис, — прорычал Эдмунд. Я замерла, глядя на него. В его голосе было столько ненависти, что мне стало холодно.

— Что?

— Только этот ублюдок владеет убеждением настолько сильным, что не повиноваться ему почти невозможно, — Эдмунд резко поднялся и с силой отшвырнул кинжал в угол зала. Металл со звоном ударился о камень.

— Но зачем им моя мать?! — выдохнул Кaleb, делая шаг к магу. — Она же не Сокол! Она Оборотень!

— Потому что они пытаются выманить меня! — терпение Эдмунда окончательно лопнуло, маска безразличия слетела, обнажая израненную душу. — Я вообще удивлен, как они ТЕБЯ до сих пор не забрали!

— Да объясните вы уже наконец! Хоть что-то! — Калёб сорвался на крик, сокращая дистанцию.

— Ты мой сын! — выкрикнул Эдмунд прямо в лицо Калёбу.

В зале воцарилась мертвая тишина. Мы оба замерли, боясь даже дыхнуть.

Эдмунд тяжело дышал, его губы были плотно сжаты, а взгляд устремлен куда-то сквозь окно, в сторону темных полей.

— Веря была моей первой любовью, — глухо произнес он. — И последней.

Калёб сделал шаг назад. Потом еще один, словно земля уходила у него из-под ног.

— Ты бросил меня... еще младенцем, — едва слышно проговорил он, и его голос дрогнул. — Так вот откуда я тебя знаю. По рассказам матери... По тем обрывкам, что она хранила...

Эдмунд лишь медленно покачал головой, по-прежнему не оборачиваясь.

— Ты не знаешь всей истории, Калёб...

— Тогда я хочу услышать её всю, — Калёб выпрямился. — Рассказывай... отец.

Это было давно. Еще до того, как густые леса огласились криками умирающих, а Соколы, Оборотни и Охотники вцепились друг другу в глотки в бесконечной войне. Мир тогда казался огромным и почти мирным, но под его кожей уже пульсировала тьма. У Эдмунда, молодого и могущественного вождя Соколов, уже тогда были свои, особые счета с Лисами.

Его племя боготворило его, но сердце вождя принадлежало не власти. Оно принадлежало одной-единственной девушке-оборотню, чья душа была чиста, как родниковая вода. Их любовь была запретной, сотканной из тайных свиданий и побегов под покровом ночи.

В ту ночь Эдмунд подошел к знакомому дому в поселении оборотней. Он осторожно постучал в стекло, стараясь, чтобы звук не разбудил чутко спящих соседей. Окно со скрипом распахнулось, и в лунном свете показалось лицо Вереи. Альбинос, с кожей белее снега, она освещала этот мрак одной своей улыбкой.

— Ты снова за старое? — тихо усмехнулась она, поправляя выбившуюся прядь.

— Правила не меняются, — отозвался Эдмунд, любуясь ею. — Выходи...

Верея на мгновение скрылась в глубине комнаты, чтобы накинуть плащ.

— Я бы мог смотреть на тебя и в одной ночной сорочке,

— шепнул он, когда она снова появилась на подопечнике.

— Помолчи! — шикнула она, но в глазах светилась нежность.

Она ловко выбралась из окна, и сильные руки вождя тут же обвили её талию, прижимая к себе.

— Я скучал... — выдохнул он ей в макушку.

— Мы не виделись всего два дня, Эд.

— Я сошел с ума за эти два дня. Пошли скорее.

Они шли по лесу, спрятанные тенью вековых деревьев. Смеялись, болтали обо всем на свете, строили планы, которым не суждено было сбыться. Пока Верея вдруг не замерла, заметив в кустах папоротника что-то странное.

— Эд... что это? — она опустилась на корточки и подобрала сухую ветку, осторожно отодвигая кусок тяжелой ткани.

— Что за чертовщина... — выдохнул Сокол, подходя ближе.

Под тканью лежал труп. Сокол. Один из его воинов. Но то, что с ним сделали, заставило кровь застыть в жилах. Ему вырезали глаза — аккуратно. Клеймо на запястье было изрезано в клочья, так что опознать беднягу можно было лишь по остаткам одежды.

Верея вскрикнула, но Эдмунд мгновенно накрыл её рот ладонью, прижимая к своему плечу.

— Тише... Труп совсем свежий. Они могут быть где-то здесь, за деревьями.

— Охотники?.. — прошептала она, дрожа всем телом.

— Не знаю. Но тот, кто это сделал, знал: вырезав глаза Сокола, можно подпитать свою магию.

В ту ночь в лесу не было никого, кроме тишины, но Эдмунд чувствовал — на Первородных открыта охота. Скоро ему придется бежать.

Поселение оборотней росло, а вместе с ним рос и страх Эдмунда. Когда Верея сказала, что ждет ребенка, в его сердце не было места радости — только леденящий ужас. Он понимал: его семья — идеальная мишень.

— Верея... — прошептал он однажды ночью, сжимая её в объятиях так сильно, будто пытался слить их в одно целое. — Прошу тебя, будь осторожна. Никогда не рассказывай этому ребенку обо мне. Не подставляй его под удар. Моё имя для него должно быть пустым звуком.

— А ты? Почему ты уходишь именно сейчас?.. — её глаза наполнились слезами.

— Я вернусь. Обещаю. Но сейчас я должен увести их за собой, подальше от этого дома. Я хочу защитить вас двоих.

На протяжении двух лет он превратился в призрака. Приходил только глубокой ночью, подолгу стоял над колыбелью, глядя на спящего Калеба. Он видел, как сын растет, как он становится копией матери, и только глаза... эти глубокие, голубые, были подарком от отца. Эдмунд знал — его сын станет вождем. Но в одну из ночей он просто не явился.

Верея ждала. Месяц, год.

Вскоре мир рухнул окончательно. Объявили войну. Охотники напали на Соколов. Но по слухам, великий вождь покинул свой пост, отдав власть Ксандеру.

Однажды, вернувшись с прогулки с маленьким Калемом, Верея нашла на столе письмо. Оно не было подписано.

«Верея, любовь моя, я больше не вернусь. Слишком опасно. Не говори Калему обо мне, пусть растет оборотнем, пусть не знает о проклятии крови Соколов. Я в безопасности, но Лисы открыли охоту на Первородных. На меня. Охотникам не доверяй — они заодно с ними».

Судьба оказалась злее, чем Эдмунд мог вообразить. Пока Соколы, Охотники и Оборотни кромсали друг друга, Лисы действовали из тени. Они убивали так искусно, что подозрения падали на всех, кроме них. Они жаждали этой тотальной разрухи.

— Но я не знал... — Эдмунд закончил рассказ, его голос сорвался на хрип. Он наконец повернулся к нам. — Я не знал, что Верею забрали три года назад. Всё это время они держат её у себя, выжидая, когда я совершу ошибку.

Мы с Калемом переглянулись. Сын смотрел на отца, которого считал предателем, а увидел человека, который прожил сотню лет в аду ради его спасения.

— Зачем ты им нужен? — наконец глухо спросил Калем, вонзая взгляд в отца.

— Чтобы обрести бессмертие. Лисы верят, что, убив Первородного Сокола, они станут неуязвимыми. Они одержи-

мы властью... — Эдмунд устало покачал головой. — Скорее всего, они забрали Верею, чтобы на её след вышел не ты, а я. Она — наживка, на которую должен клюнуть старый вождь.

— Но меня они не трогали, — Калёб нахмурился, анализируя прошлое. — Охотники предлагали перемирие, хотели вместе вырезать всех Соколов до единого... но я отказал.

— И правильно сделал. А вот почему Ксандер решил переметнуться на сторону Охотников — это загадка, которую мне ещё предстоит разгадать.

— Он потерял жену и детей в той бойне между нашими племенами, — Калёб сжал кулаки. — Но теперь я почти уверен: та война тоже была подстроена. Лисы и их вождь просто дергали за ниточки, развлекаясь нашей кровью...

Я отошла к окну, чувствуя, как кружится голова. Слушать это было невыносимо. Эдмунд — отец Калёба. Вся многолетняя вражда Оборотней и Соколов — лишь чья-то злая шутка, постановка для развлечения Лисов и Охотников. Столько лет тотальной, беспросветной лжи...

— Почему вы не сказали об этом сразу? — спросила я, не оборачиваясь к ним. Голос дрожал. — Зачем скрывали правду?

— Я не хотел подставлять вас под удар раньше времени, — тихо отозвался Эдмунд. — Но когда узнал о Верее... всё изменилось.

— Кто такой Рафаил? — я вдруг вспомнила ту лаконичную печать на письме в его кабинете.

Эдмунд коротко, невесело усмехнулся:

— Неужели ты не знаешь имени собственного отца, Рита?

Я застыла на месте, боясь пошевелиться. Холод пополз от кончиков пальцев к самому сердцу.

— Его... его зовут Стен. Разве нет?

— У него двойное имя. Многие Соколы так поступали: одно имя для жизни, другое — для тайных писем. Рафаил — это он.

Возможно, в той жизни, которую я забыла, я знала об этом. Но сейчас, в моем беспамятстве, эта правда ощущалась как очередной удар под дых. Все вокруг что-то скрывали. Все лгали.

— Я оставлю вас, — бросила я, чувствуя, что еще минута — и я просто задохнусь.

Я вылетела за дверь прежде, чем Калев успел меня окликнуть. Пусть говорят. Пусть выясняют отношения «отца и сына». Сейчас я была там абсолютно лишней. Мне нужно было найти место, где моя память и фантазия не будут играть с моими нервами.

Рита ушла, оставив меня наедине с человеком, которого я проклинал всю свою жизнь.

— Хочешь сказать, как сильно ты меня ненавидишь? — спокойно спросил он, не оборачиваясь.

Я медленно покачал головой, пытаюсь уложить в голове всё услышанное.

— Не хочу... то есть, я правда тебя ненавижу. До зуда в костях. Но я и представить не мог, насколько всё запутано.

Я подошел к окну, глядя на бескрайние поля, тонущие в сумерках.

— Допустим, Лисы используют Охотников, чтобы отвести от себя подозрения и держать мать в заложниках. Но как они не смогли найти тебя раньше? Это поместье огромное, его невозможно не заметить.

— А ты в прошлом году, когда бродил в этих лесах, видел его? — Эдмунд прищурился, глядя на меня.

Я нахмурился, вспоминая свои одинокие прогулки. Я действительно забредал в эту глушь, искал уединения от шума стаи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.